

П. И. ЯКОВАЕВ

РАССКАЗЫ О ЖИВОЙ ПРИРОДЕ

Annotation

Литературная запись В. Широнина.

- П. И. ЯКОВЛЕВ

-
- ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
- Крылатый друг
- На току
- ХОЗЯЕВА ПТИЧЬЕГО НЕБА
- Чучело на чучеле
- Камень с неба
- Лебединая песня
- Битва под водой
- Сиги-переселенцы
- А где река?
- Гордость леса
- На тропинке, по которой мы шли, валялся обрывок колючей проволоки – знак военной поры. И тут припомнился мне один случай. Ребята из соседнего села нашли в лесу полуживого лося. Он запутался рогами в колючку (ее много там было после войны), весь изранился, обессилел, а выпутаться не может. Сбегали ребята в село за клещами-кусачками и давай рвать проволоку. Лось смотрит на них умными жалобными глазами, как теленок, попавший в беду. А как почувствовал, что не держит больше проволока, вскочил на ноги, мотнул головой, освобождаясь от последних обрывков колючки, запрыгал, словно хотел убедиться, что снова на свободе. Ребята захлопали в ладоши, закричали «ура». Лось

гордо поднял вверх голову и не спеша скрылся в зеленой листве.

- У кого душа в пятках
  - Лесной парашютист
  - Охотник до курятинки
  - Еще любитель курятинки
  - Серые бродяги
  - Бурые разбойники
-

П. И. ЯКОВЛЕВ

Рассказы о живой природе

П. И. ЯКОВЛЕВ

**РАССКАЗЫ
О ЖИВОЙ
ПРИРОДЕ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛЬСКОЙ
АССР

Литературная запись В. Широнина

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Петр Иванович Яковлев – старейший карельский учитель, преподаватель биологии и химии Кончезерской средней школы Кондопожского района. Сорок лет проработал он в этой школе, которую и сам когда-то окончил. Безгранично влюбленный в свой родной край с его суровой прекрасной природой, П. И. Яковлев до самого последнего времени (он умер в 1956 г.) вел большую краеведческую работу. Руководя кружком юннатов школы, он передавал свои богатые познания юным мичуринцам – будущим преобразователям природы, воспитывая у сельских ребят подлинную любовь к сельскохозяйственному труду.

За выслугу лет и безупречную работу по воспитанию и обучению молодого поколения П. И. Яковлев удостоен высшей правительственной награды – ордена Ленина.

Из-под пера П. И. Яковлева вышло немало статей об опыте преподавания естествознания в школах, которые публиковались в центральных педагогических изданиях. Несмотря на жестокую болезнь (полная потеря зрения), в последние годы жизни Петр Иванович продолжал работать в школе и писал увлекательные рассказы для детей о фауне и флоре Карелии.

Часть из этих рассказов мы предлагаем вниманию наших юных читателей.

В ВОЗДУХЕ

Крылатый друг

Когда под жаркими лучами солнца окончательно выпарятся талые воды и лощины покроются яркой зеленью, а пригорки зацветут разнотравьем,- не налюбуйешься на нашу природу.

Неудержимо тянет она к себе.

Раньше других ягод на севере поспевают морошка. Чаще всего она растет на болотистых местах, покрытых редкими кочками. Порой ее бывает так много, что издали сухое болото кажется сплошным желто-розовым цветочным ковром.

Любят собирать морошку два друга – Коля и Витя.

Возьмут корзинки, отправятся на целый день бродить по лесам и лощинам. Сколько воздуха, сколько света! И – просторы, просторы! Много всяких тайн раскрывает перед любознательными ребятами щедрая на выдумки природа, стоит лишь к ней присмотреться юннатским внимательным взглядом.

Больше всего любили друзья живых обитателей леса. То зайчонка испугнут, то лису потревожат, а птиц разных – несчетное множество высмотрят.

У Вити была особая страсть к пернатым. Он безошибочно узнавал их по пенью и щебету, по яркому или совсем невзрачному оперению и даже по полету – по звуку стригущих или свистящих крыльев.

– Журавли летят,- сказал однажды Витя, остановив друга и прислушиваясь. Коля, не обладавший таким тонким слухом, стал крутить головой, высматривая птиц в воздухе.

Однако все равно ничего не увидел.

– Они идут на посадку,- словно говоря о самолетах, сообщил Витя.

И тут на желто-зеленом фоне леса мальчики заметили двух больших птиц с серовато-белым оперением, обрамленным по краям крыльев и хвосту черными разводами. Согнув гигантскими полузонтами крылья и вытянув длинные, как лыжные палки, ноги, птицы медленно опускались в конце болота, где зеркалом блестела небольшая ламбушка.* – Посмотрим, что они будут делать,- предложил Витя, и ребята укрылись в тени можжевелевого куста.

– Только бы их пастух не спугнул,- высказал свое опасение Коля.

Журавли между тем закурлыкали, высоко вытянув шеи и осматриваясь по сторонам. Вскоре откуда-то из-за кустиков вынырнул шарик из серого пуха и, смешно переваливаясь через кочки, мотая не по росту большим клювом, точно он был ему в тягость, покатился на призывный клекот родителей.

Маленького, бесхвостого и бескрылого журку встретила мама-журка, нежно прикоснувшись к нему своей гибкой шеей, украшенной коричневой полоской на затылке.

* Ламба – лесное озеро.

После этого семья занялась делом. Отец и мать, медленно двигаясь между кочками, сосредоточенно вглядывались в лужицу или влажную ямку и, найдя что-нибудь съедобное, шастали длинным и широким, как кирка, клювом. Журка подражал родителям, однако в его клюве редко появлялось что-либо, и он все время пищал от голода и досады. Но вот журавль-отец, простояв минут десять над лужицей, выхватил оттуда огромную лягушку. Давнув клювом, чтоб не ускокала, он подбросил ее журке, точь-в-точь как ребята бросают друг другу битую или бабку. Журка жадно набросился на добычу и проглотил ее, не растерзавши. После этого он перестал сам заниматься бесплодными поисками и

утруждал себя лишь одной работой – жадно следил за охотой родителей и глотал готовую пищу.

– Знаешь, что, – заговорщически предложил Витя, – давай утащим журку домой...

– Что ты! Эти птицы, знаешь, какие сильные – таких, как мы с тобой, они могут заклевать до смерти! – всерьез испуганный предложением друга, возразил Коля.- Давай лучше подождем, может, птицы улетят сами, а журка-то ведь летать не умеет, он здесь и останется...

Витя не стал убеждать своего трусоватого друга. Решено было подождать. А журавли по-прежнему кормились около ламбушки.

Так просидели ребята с полчаса. Журавли все реже находили добычу и, перекликаясь недовольными голосами, часто вытягивали шеи, будто высматривали сверху – нет ли поблизости более подходящего места, где было бы больше лягушек и насекомых. Они прислушивались: видимо, их что-то беспокоило.

И в самом деле: вскоре птицы побежали по болоту крупными шагами, взмахами крыльев помогая себе набирать скорость. Так, прежде чем взлететь, они пробежали метров тридцать, затем, вытянув шеи вперед, а ноги назад – рулем, повисли в воздухе. Пролетев над опушкой леса метров семьсот, журавли опустились в другом конце болота.

– Пора, бежим! –скомандовал Витя, и ребята бросились ловить журку. Но тот, увидев опасность, кинулся к лесу, под защиту кустов и деревьев. Витя бежал быстро, не обращая внимания на то, что делал его друг. А Коля, снова струсив,- а вдруг журавли увидят их и вернуться,- то и дело посматривал на небо и, запинаясь за кочки, путаясь в осоке, кричал Вите что-то предостерегающее...

Когда Витя вытащил журку из куста, куда тот успел уже спрятаться, Коли на болоте не было... Витя

удивился.

- Тону-у, тону-у!..- услышал он, как из-под земли, жалобный призыв друга.

Бросив журку, не разбирая дороги, Витя помчался на голос и вскоре увидел Колю, барахтающегося в небольшой с открытой водой ламбине.

Такие ламбины у нас называют «окнами». Они одинаково страшны и для людей и для животных. Если торфяной слой болота очень толст и твердая почва глубоко,- в таком «окне», затянутом лишь жидкой торфяной массой и корневищами растений, очень легко утонуть. Жидкая масса засасывает: в ней не на что опереться ногами и нельзя плыть. Такие «окна», расположенные на сухих болотах вблизи селений, обычно огораживают, чтобы в них не забрели человек или животное.

Витя был смелый и сообразительный мальчик. Он подбежал к краю «окна». У Коли наверху торчала лишь голова и одна рука, беспомощно хватающаяся за воздух. Нужно что-то бросить Коле, чтоб он мог ухватиться за этот предмет рукой. Но вблизи ничего не было - не только шеста, даже кустика. Меж тем обессилевший Коля все больше погружался в грязное месиво.

«Куртку» - мелькнуло у Вити в сознании. Он сбросил с себя куртку и, ухватившись за конец рукава, подкинул ее Коле. Далеко, не может достать Коля до куртки. «Ремень!»

Витя снимает ремешок, одним толчком кулака прорывает боковой карман куртки и продевает в него ремень, затянув его ю петлей. Снова летит куртка в лужу. Все еще далеко. Витя снимает рубашку, привязывает к ремню за рукав. Теперь куртка ложится близко к голове Коли. Он хватается за рукав. Витя натягивает всю связку. Коля вытаскивает вторую руку и хватается ею за куртку. Теперь спасен!

Перепаханные в грязной жиже друзья усаживаются на припеке. У Коли стучат зубы от озноба и пережитого страха.

- Пойдем, у того леса, где журка, есть маленькое озерко - нам нужно выкупаться,- предлагает Витя.

Коля покорно идет за другом. Сейчас он будет делать все, что прикажет Витя.

Дорогой Витя вспомнил про журку. «Надо его все же поймать,- думает он, но бежать за журкой, значит, обидеть пострадавшего друга.- Никуда он не денется - будет ждать родителей», - решает Витя.

Озерко оказалось маленьким - метра три в ширину и метров десять в длину - и совсем неглубоким. Ребята выкупались, промыли одежду и развесили на кустах для просушки, а сами в одних трусиках побежали искать журку. Они не скоро нашли его. Бедняжка так напугался, что залез под кочку, и был обнаружен почти случайно. Витя связал ему лапы ремнем, а клюв кусочком шпагата - чтоб не пищал.

Журка (это имя так и осталось за ним) оказался очень забавной птицей. Он прожил с людьми до самой осени.

Первые три дня, сидя в загородке на самом берегу озера, Журка очень скучал. Он ничего не ел и так надрывно пищал, что надоел не только бабушке Анисье, но даже курам и собаке Дружку. За эти три дня родители Журки прилетали на его писк по нескольку раз в день. Летят над загородкой низко и курлыкают - зовут, но сесть не решаются - кругом люди.

Наконец Журка стал есть. Он жадно глотал и вареный картофель, и хлеб, но больше всего любил червяков и лягушек, которых ребята в изобилии таскали ему. Девочки Галя и Аня из кружка юннатов, жившие поблизости, наблюдали за его ростом и записывали данные в дневник.

Особенно же привязался Журка к Вите и Дружку. Бывало, стоят Журка и Дружок летним утром на мостике, что выстроен был для причала лодки, и терпеливо ждут... И как только появится вблизи лодка,- Дружок зальется громким лаем, а Журка вытянет шею и пищит. Выйдет Витя из лодки и раздает гостинцы – Дружку остатки своего завтрака, а Журке горсть уклеек и плотичек.

Пошел однажды Витя в магазин и забыл закрыть ворота загородки. Оглянулся дорогой, а за ним на почтительном расстоянии важно шагает Журка под охраной Дружка. Витя взял их с собой, и пока покупал продукты, друзья ждали его у дверей, охотно принимая гостинцы от многочисленных покупателей.

Но пришла пора осенних экзаменов. Витя и Коля поехали в город держать вступительный экзамен в техникум. Журку взял у ребят дедушка Степан – сторож с метеорологической станции. Журка снова заскучал без друзей и долго не мог привыкнуть к новой обстановке. Тогда дедушка стал выпускать его на болото, где он сам искал себе пищу... И так Журка рос: днем – на болоте, а вечером, попрощавшись с дедушкой, укладывался спать в своем новом, сплетенном из ивы домике.

В сентябре Витя и Коля приехали на побывку в родное село и не узнали Журку – это была уже большая крылатая птица. Она все больше уединялась от людей, целыми днями пропадая на болоте. Иногда не появлялась и к ночи. Журка по-прежнему был ручной и ласковый, но что-то уж очень часто стал поглядывать на небо и курлыкал, курлыкал, тоскливо и протяжно.

Друзья долго забавлялись с Журкой. Но вот над головой послышались знакомые крики – вереница журавлей, клином рассекая небо, неслась на юг. Журка глянул ввысь и вдруг, вытянув шею и громко крикнув, побежал по болоту, махая крыльями...

- До свиданья, Журка! Прилетай весной обратно! - кричали ребята, махая руками, бросая шапки в воздух.

Журавлиная стая клином шла к югу, а за ней, чуть отстав, летела большая, до боли знакомая птица...

На току

Петухи в лесу Весной, в конце апреля и начале мая, на опушках леса, на болотах и на потемневшем игольчатом льду озер стаями собираются тетерева. Ребята, которые живут в сельской местности и любят вставать на зорьке, наверное, не раз слышали, как они токуют.

Мой отец был страстным охотником. Однажды весной он взял меня на ток. Поздним вечером мы подъехали на лодке к южной оконечности одного из многочисленных островов Кончезера. Прежде всего мы устроили из кольев и веток большой шалаш для маскировки. Пока работали и закусывали – наступила полночь.

Я чутко прислушивался, но ничто не шелохнулось в лесу.

Наконец, слышались какие-то странные, незнакомые звуки.

– Это, наверно, и есть косачи?* – спросил я у отца.

– Нет, это белые куропатки, а косачи тоже скоро будут, ты только не усни. Раз уж взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Мы посидели еще немного. Вдруг отец зажег спичку^ посмотрел на часы, вложил в ружье патрон и сказал вполголоса:

– Ну, пора начинать. Только ты – ни звука: косачи вначале очень осторожны и чутки.- Он поднялся на колени и начал «чуфыкать» – свистеть, подражая косачу.

Вскоре на западном берегу озера слышался ответ – «чуфыш-чуфыш». Ночную тишь прорезал свист крыльев, и вскоре у самого шалаша зашипела и опустилась какая-то птица.

- Это старый токовик,- прошептал отец,- его стрелять не надо, скоро он приманит целую стаю.

Мы замерли в ожидании. Напрягая зрение, я старался разглядеть птицу в сумраке весенней ночи и, разглядев, чуть не вскрикнул от восторга: у нее было очень красивое оперение и горделивая осанка. С красными, налившимися бровями сидел тетерев на камне. Темные перья его отливали металлическим блеском, красиво выделялись белые бока. Хвост был собран и напоминал лиру. Косач зорко посматривал по сторонам и прислушивался. Потом он распустил хвост веером и начал чуфыкать, опустив крылья и вытянув шею.

Вскоре послышалось ответное чуфыканье на берегах и на острове. Еще через некоторое время раздалось хлопанье * Косач – тетерев-самец. Прозван так в народе из-за косых хвостовых перьев. крыльев, и неподалеку от шалаша стали собираться косачи.

Одни опускались прямо на землю, другие садились на деревья.

На одной осине я увидел трех пестрых птиц и указал на них отцу.

- Это самки-тетерки,- ответил он.

Тетерки изредка издавали звуки «ка-ка-ка».

Вдруг старый токовик и все самцы распустили хвосты, вытянули шеи и, чуфыкая, стали драться, азартно, как деревенские петухи. Отец прицелился и выстрелил, но драка продолжалась. Он закладывал один патрон за другим и стрелял, метко направляя прицел то на верхушки деревьев, то в просветы между камнями и кустами можжевельника.

Только с рассветом косачи разлетелись. Мы подобрали восемь убитых птиц.

Это первое знакомство с жизнью тетеревов – основных боровых птиц Карелии – мне запомнилось на всю жизнь.

В дальнейшем я узнал, что в летнее время самцы забираются в лесную глушь и меняют оперение. Тетерки в это время ухаживают за своими выводками. Немало хлопот и забот у птицы-матери с детенышами-тетеревятами: надо найти им корм, укрыть во время ненастья и, особенно, уберечь от врагов.

Бывая в лесу, я нередко наблюдал, как перед самым носом нет-нет и вспорхнет пестрая тетерка и затем, делая небольшие перелеты, как бы зовет за собой охотника и собаку.

Тетеревята тем временем разбегаются и замирают до тех пор, пока мать не подаст им сигнал, что опасность миновала. Только после этого они снова собираются вместе.

В августе тетеревята уже хорошо летают. В это время на них охотятся с собакой-лайкой. Стоит она под деревом, зорко смотрит на косача и заливается лаем, а тот сердится и издает звук «кук-кук-кук», пока не послышится выстрел охотника.

Осенью, после листопада, косачи собираются в стаи. Тогда на них охотятся с чучелами.

Летом и осенью косачи питаются ягодами. После того, как выпадет снег, они поедают почки и семена деревьев и кустарников. Зимой, в сильные морозы, косачи падают в снег, пробивают норы и прячутся, как под одеялом. Но стоит только приблизиться к ним, как перед вами взметнется облако снежной пыли. Чуткие и осторожные птицы высоко взлетают над деревьями и исчезают в лесу.

Уроки дедушки Ефима Дедушка Ефим начертил углем утку на дверях сарая и спрятался за угол.

– Пли! – скомандовал старый солдат первой мировой войны.

Бабахнул выстрел. И без того изрешеченная дробью дверь покрылась новыми пятнышками. Две головы

прильнули к мишени, наперебой подсчитывая число попаданий. Семь дробинок в мишени!

- Молодец,- довольным тоном заключает дедушка.-
Завтра пойдешь со мной на ток.

На другой день вечером Гришутка, как настоящий охотник, шагнул рядом с дедушкой. На плече у него одноствольное ружье, на боку - патронташ, до отказа набитый патронами, заряженными крупной нулевой дробью, на спине - охотничья заплечная сумка, словом - все, как у дедушки. Только у того ружье двуствольное.

Когда они по свежему насту и проталинам прошли километров восемь и вышли на старые вырубки, уже совсем стемнело.

Около сгнившего ствола старой вывороченной ели, под защитой молодой поросли березняка и осинника дедушка развел костер. Охотники согрели чайник и закусили.

- Давай-ка я тебя, внучек, проэкзаменую. Помнишь ли, как подходить к мошнику?* - обратился дедушка к внуку, укладывая съестные припасы в сумку. * Мошник - так называют глухарей во многих районах Карелии.

- Когда мошник щелкает - не шевелись, а когда начнет токовать, он глохнет - вот тогда, на второй половине его песни, и делай подход, но умей вовремя остановиться, пока он не кончил петь.

- Все правильно, пошли,- сказал дедушка и засыпал костер снегом.

Охотники сделали шагов двести и вышли к центру поляны, на которой, выделяясь на светлом фоне неба, росло несколько высоких деревьев.

- Здесь подождем часок,- усаживаясь на широкий пенек, сказал старый охотник.- Тут недалеко токовище - я сам следы видел.

Кругом сплошная темень, особенно с южной стороны; ни шороха, ни звука кругом. Гришутке даже

жутко стало немножко, а минут через двадцать на него напала дремота.

- Ты не спишь ли? - шепотом осведомился дедушка.-
Нельзя.

- Скоро ли уж?

- Ишь ты - какой прыткий! Тут, брат, нужно терпение...

Вскоре небо чуть посветлело. От большой сосны, стоявшей шагах в восьмидесяти, вдруг послышались какие-то незнакомые звуки, будто кто выщелкивал дробь сухой тонкой дранкой.

- Это мошник щелкает,- пояснил дедушка Ефим.- А вот теперь токует. Ну, пошли, однако...

Вначале все шло по правилам охоты. Гришутка делал все так же, как дедушка, и они подошли к глухарям, которых здесь было уже с полдесятка, на ружейный выстрел. Но тут юный охотник, заглядевшись на играющих птиц, зацепился ногой за валежину и, не успев ахнуть от неожиданности, распластался по земле. В то же время раздался выстрел, и Гришутка совсем перепугался - ему показалось, что выстрелило его ружье, на которое он упал животом... Мальчик и не видел даже, как большая птица, подстреленная дедушкой, цепляясь за ветки дерева, свалилась вниз.

- Ты чего, охотник,- выстрела испугался? Подотри нос-то! - издевался дедушка.

- Нет... Это я, дедушка, нечаянно - за валежину зацепился... Честное пионерское...

- Ну, то-то... Охотнику надо смотреть и смотреть, не в два глаза, а в четыре.

Они подобрали убитую птицу и стали выслеживать новых токовиков.

- Не тужи, следующий - твой,- утешал дед внука, огорченного первой неудачей.

Шагов через сто, на проталине, у вывороченной с корнями сосны они заметили двух дерущихся самцов.

Тут же, на ветвях небольшой осины, сидела глухарка – пестрая капалуха.* – Ну, прицеливайся в любого петуха, да не торопись, а то промажешь...

Грохнул выстрел, один из глухарей с шумом метнулся в сторону, другой остался лежать, неуклюже раскинув крылья.

– Убил, убил! – неистово закричал Гришутка и со всех ног бросился к убитой птице. Он высоко поднял ее за одно крыло, другое все еще касалось земли.– Дедушка, это я убил!

Я ведь, дедушка?!

– Ты, ты... Ну, в добрый час! Это первая твоя добыча. А раз первая, то не надо быть жадным-хватит одной птицы.

Пойдем домой.

Всю дорогу они делились впечатлениями, и дедушка терпеливо поучал внука охотничьим приемам на току, Гришутка же слушал деда со вниманием, хотя ему и не терпелось скорей показать добычу дома.

– Какие красавцы,– восхищалась глухарями мать Гришутки, Лукерья Васильевна.

Птицы лежали на столе, освещенные первыми лучами солнца, прорвавшимися сквозь вершины ближайших деревьев.

Они и в самом деле были красивы. Темные спинки с бурым оттенком и такие же крылья, чуть посветлее; темный зоб отливал зеленью, а по брюшку, как горошины, рассыпаны белые пятнышки; хвост черный, блестящий. Красные дуги бровей и желто-розовый крепкий клюв довершали редкую красоту оперения.

* Капалуха – самка тетерева-глухаря.

– А твой, сыночек, больше, чем дедушкин; килограммов шесть будет, уж я-то знаю – сколько их на своем веку зажарила.

Мать с гордостью поглядывала на сына. Он напоминал ей сейчас отца, советского партизана,

погибшего в годы Отечественной войны в схватке с оккупантами неподалеку от родных мест.

- Будь достоин отца, сынок,- вздохнув, тихо произнесла Лукерья Васильевна.

Когда сели обедать и мать подала вкусное жаркое, разговор снова вернулся к глухарям.

- Токовать они будут еще и в мае,- поучал дедушка,- и даже осенью, но не так азартно, как сейчас, в апреле.

Глухарка кладет в гнездо 8-10 яиц и высиживает цыплят. Они бегают вместе с ней выводком, как куры, и сами кормятся.

К осени птенцы уже становятся большими и живут целыми стайками. Когда кончаются ягоды, глухари питаются и более грубой пищей – почками и хвоей. Для этого они заглатывают в зоб камушки, которые служат им маленькими жерновами.

- А что делают глухари-токовики?

- После весеннего тока самцы теряют много перьев и не могут летать. В это время они прячутся в глуши, пока не отрастут новые крылья.

Второй урок дедушки Ефима Ивановича состоялся осенью.

Пошли они с манком* на рябчика. В сентябре это было.

И хотя дедушка знал места, где обычно гнездились рябчики, но бродили они по лесу долго, пока не попали на место гнездовья. Высмотрели множество всяких интересных вещей.

* Манок – свисток для приманки рябчиков, вальдшнепов и другой промысловой птицы.

Об этом мы еще расскажем юным читателям в следующий раз. А сейчас – о рябчике.

Обнаружили гнездовье вблизи осинової роци, рядом – речушка. Не успел Гришутка как следует насвистаться в манок, как над ним, часто взмахивая крыльями, пролетел пестренький рябчик. Он уселся над

самой головой юного охотника. Гришутка взвел курок и выстрелил. Рябчик упал прямо в корзину с брусникой, что стояла под деревом.

Дедушка от души хохотал, приговаривая:

- Ну и ну! У меня такой удачи не бывало, чтобы в корзине сразу два блюда: и жаркое и кисель... Будет из тебя толк, внучек!

Охотничьи уроки дедушки Ефима Ивановича пошли Гришутке впрок. Сейчас он вырос и совсем стал похож на отца- партизана, фотография которого висит в золоченой рамке на самом почетном месте. Как и отец, он стал выдающимся промысловиком-охотником, но первого глухаря и рябчика, что убил вместе с покойным дедушкой, он никогда не забудет.

ХОЗЯЕВА ПТИЧЬЕГО НЕБА

„Леший“

Еще в раннем детстве я много наслышался о разных чудесах в лесу. Мы – дети – даже боялись ходить в такие места, где, как уверяли взрослые, «чудится», и где будто бы водятся лешие или лесовики. А что это были за существа – никто объяснить не мог, потому что никто их не видел. Говорили, будто леший похож на человека, только весь оброс рыжей шерстью, с рыжей бородой и рогами; руки у него, как у обезьяны, а ноги лосиные, с копытами. Немудрено испугаться такого чудовища. Да если к тому же закричит он, будто человек заплачет истошным голосом, или засвистит, заулюлюкает, загогочет на всю округу,- тут только и уноси ноги от страха...

Раза два случалось и мне убежать вместе с ребятами от таких «концертов». И только став школьником, я узнал, что никаких леших в природе нет, как нет вообще «нечистой силы».

И вот однажды, в конце мая, когда уже начинались белые ночи, я плыл в небольшой лодке по озеру, любуясь вечерней зарей. Небо было окрашено в такие причудливые тона, что мне, уже видавшему немало наших северных зорь, все окружающее – небо, озеро, острова и лес – казалось таким сказочным, словно был я не на родном Кончезере, а где-то в тридевятом царстве. Любуясь природой, я незаметно отмахал веслами километров шесть и в полночь был уже в густых зарослях устья речки Анги, где, по рассказам, жила всякая «нечистая сила».

Все спало, стояла такая тишина, что слышно было, как высокая еще с весны вода шуршала тростником и ветками ивы. Даже очень чуткие к ветру листья осины не трепетали.

Спрятав лодку в самой гуще тростника, я притаился и стал наблюдать, приготовив на всякий случай ружье. Прошло немного времени, и вдруг с разных сторон слышались странные звуки, похожие то на плач ребенка, то на мяуканье, потом кто-то дико захохотал и захлопал в ладоши... Повторяю, что наступили уже белые ночи и было почти так же светло, как днем, однако от этой дикой какофонии мне стало не по себе, хотя я считался уже бывалым парнем и сам ходил в лес за любым зверем. Другой, суеверный человек, на моем месте, пожалуй, упал бы от страха на дно лодки и стал молить бога о спасении души. Но я-то знал, что все это значит,- затем и ехал сюда.

И вот на полянке появилась серая птица, которую я до сих пор видел только на картинках. Это был филин. Вылетев из чащи и снизившись, птица быстро пробежала по траве, что-то схватила своим коротким кривым клювом и стала терзать. Видимо, ей попалась лесная мышь.

Пока птица расправлялась с добычей, я успел внимательно ее рассмотреть. У нее была большая, похожая на кошачью, голова с крупными ушными раковинами. Благодаря им филин так хорошо слышит, что может по самому малейшему шороху обнаружить противника или добычу. Филин - хищная птица.

Об этом красноречиво говорит все его сильное тело, крепкий, крючкообразный, как у орла, клюв и такие же когти на сильных мускулистых лапах.

Оперенье у филина красивое, хотя издали это и незаметно.

Он кажется желтовато-серым, а на самом деле цвет его перьев ржавчато-желтый с черно-бурыми

крапинками. Перья филина настолько мягкие, что при полете он почти не производит шума, так же, как летучая мышь.

Филин питается не только мышами или подобными мелкими животными, он нападает на зайца, на хорька, охотится за тетеревами, глухарями, всякой мелкой птицей, не брезгует вороной, хватает из воды рыбу, правда, на мелком месте, а иногда и ондатру. Зимой голодный филин нападает даже на лисиц. Когда ему попадается крупная добыча, он оставляет ее про запас на несколько дней, однако не перестает при этом охотиться за свежей пищей.

Филин обитает во многих лесах нашей страны и хорошо приспосабливается к ландшафту и другим природным условиям. Он одинаково стойко переносит как суровую зиму в наших широтах, так и жару пустынь и сухих степей.

Устраивает гнезда филин или в расщелинах скал или просто на земле, под прикрытием степных трав. В гнездо кладет два, реже три крупных яйца. Птенцов филины оберегают ревностно и, пока они еще слабы, даже размельчают крупную мясную пищу, превращая ее в густую кашу, или мясной фарш, как сказали бы наши хозяйки. В середине лета птенцы оперяются и начинают вылетать на ночную добычу под руководством родителей.

Бодрствует филин только ночью, днем он совершенно беспомощен, так как глаза его приспособлены к зрению при слабом свете. Дневной яркий свет неприятен для филина. Этим пользуются птицы.

Самому мне не приходилось видеть, но ребята не однажды рассказывали об одном очень курьезном случае в природе.

Сидит филин где-нибудь в чащобе, а на него со всех сторон нападают-клюют и тормозят - стайки разных

птиц. Плохо видя, филин отбивается чем может и дико орет. Птицы тоже не молчат. Легко себе представить, какой поднимается гвалт.

Пернатые не глупы – они пользуются слабостью противника и мстят за его ночные разбои. ...Эти размышления отвлекли мое внимание от главной цели ночной вылазки – добыть чучело филина для школы.

Покончив с добычей, филин снова бесшумно скрылся в чаще, так что я не успел даже вскинуть ружье. Минуты через три надо мной стрелой пролетели две перепуганные утки, а еще через минуту по лесу разнесся такой дикий хохот, что я бросил ружье и заткнул уши.

Чучело на чучеле

- Как хорошо-то, дедушка... Правда? - сказал Гришутка, раскинув руки и вдыхая лесной смолистый воздух. Он только что вылез из нового хвойного шалаша и любовался прелестью раннего сентябрьского утра.

- Да, тот многое потерял, кто в нашем лесу не бывал,- отозвался из шалаша старый охотник Ефим Иванович.

Он лежал на мягкой подстилке из свежей хвои и, попыхивая трубочкой, наслаждался покоем.

- Как тихо сейчас... Птицы еще спят,- мечтательно продолжал внук, поглядывая на ясное небо, где уже занималась розовая, нежная северная заря.

- Ничего, солнышко всех разбудит. Однако пора нам чучелй подымать. Давай-ка, внучек, вон на ту березу...

Гриша взял два чучела черных с белыми боками птиц, насаженные на расщепленные в основаниях палки, нежно потрогал блестящие бусинки глаз под красными дугами бровей и с ловкостью кошки полез на дерево. Вскоре чучелй, как настоящие птицы, сидели на верхних ветках березы.

- Ну, а теперь не шуметь - уже светает,- предупредил дедушка, и они снова устроились в шалаше.

Когда чуть заметно посветлело, Ефим Иванович чужфкнул, подражая косачу, Гришутка подхватил, и лес огласился первыми звуками «проснувшихся токовилов». Из лесу отозвалось несколько молодых косачей, и заворковал старый.

- Пора, внучек, проверь компас - ив добрый час. Утро ясное - лёт будет, только не заблудись.

- Не первый раз, дедушка,- с достоинством обронил Гришутка и направился по просеке в обход косачам.

Лес, будто по мановению волшебной палочки, вдруг ожил и огласился птичьей музыкой. На рдеющих гроздьях рябины зююкали красногрудые снегири, весело посвистывали дрозды, проснулся длинноносый дятел-барабанщик...

«Вот сегодня-то я уж подгоню дедушке косачиков», - радовался Гришутка, весело постукивая сухой палочкой по деревьям. А дедушка тем временем сидел в шалаше с ружьем на изготовку и тоже радовался тому, что его лесные уроки пошли внуку впрок.

Но неожиданно все получилось иначе. Вместе с другими птицами проснулся ястреб-тетеревятник и, облетая свой пятикилометровый круг, в котором он полный и единовластный хозяин неба, попал в зону охоты наших друзей. Сначала он парил довольно высоко, зло выкрикивая свое «кри-кри- кри», потом опустился и, шныряя между верхушками деревьев, перепугал всех птиц. Все живое притаилось и смолкло. Лесные обитатели знают, что острые желтые глаза ястреба видят сквозь ветви деревьев, а чуткие уши ловят малейший шорох или писк.

В воздухе что-то хлопнуло и закувыркалось. Это ястреб своими сильными лапами ударил спешившего в чащу косача, вонзив в него острые когти, после чего обе птицы, кувыркаясь, рухнули на землю. Но разве может тетерев, нежная и благородная птица-украшение наших лесов - справиться с таким могучим хищником! Ястреб двумя ударами клюва раздолбил череп прижатой к земле птицы и стал разрывать ее на части. Но, видимо, он не был голоден, потому что вскоре, воинственно крикнув, снова взмыл вверх, оставив растерзанную добычу про запас.

Гришутка, наблюдавший за полетом ястреба, по звукам догадался, что произошло.

«Испортил нашу охоту, распугал дичь», - с сожалением подумал он.

Послышался выстрел, другой...

«В кого же это дедушка палит, когда все птицы попрятались?» – недоумевал юный охотник, направляясь к засаде.

– Вот разбойник, что натворил,- с досадой плевался дедушка, возясь в кустах около шалаша.

Подбежав, Гриша увидел на земле двух птиц: одна – серая, с неестественно распростертыми крыльями, с закатившимися в предсмертной агонии глазами и раскрытым клювом; изо рта птицы стекали на мох капельки алой крови. Кровь виднелась и на перьях, взъерошенных по всему телу. Лапы этой птицы мертвой хваткой вцепились в туловище другой, черной птицы, которая, к немалому удивлению мальчика, оказалась ничем иным, как чучелом косача.

– Вот мерзавец,- продолжал ругаться дедушка,- все чучело попортил и охоту сорвал.- Он снова плюнул и стал отдирать вонзившиеся в суконную «кожу» чучела окостеневшие лапы ястреба.- Мой совет тебе, внучек: истребляй эту хищную тварь без жалости, где увидишь – там и бей. Много вреда он приносит людям: он убивает всех полезных человеку птиц-тетеревов, куропаток, рябчиков, голубей, не щадит и самую мелкую пичугу, которая так много приносит людям добра, истребляя вредных насекомых и червяков. Да что птицы! Житья нет от ястреба и мелким животным – зайцам, белкам и другим. А сколько он пожрал домашней птицы – кур, уток, гусей, цыплят. Сколько гнезд разорил у птиц, воруя яйца и птенцов. Никакая другая птица не может его побороть – это настоящий хозяин неба, вредный и злой.

Отцепив когти хищника от чучела, Ефим Иванович сложил в мешок и чучела и убитого ястреба. Гришутка этому немало удивился.

– Дедушка, а зачем ты ястреба в мешок положил?

- Сделаю из него тоже чучело. Хотя бы для вашей школы. Раз он испортил нам чучело косача, то и сам пусть станет чучелом,- чтобы такие, как ты, знали, что это за хищник и как с ним надо поступать.

Позже Ефим Иванович, действительно, сделал из убитого ястреба чучело, которое подарил историко-краеведческому музею в Петрозаводске, и там этот злой хищник долго сидел на подставке рядом с другими, мирными и полезными птицами нашего края. А для школы старый охотник сделал другое чучело из ястреба, убитого впоследствии Гришуткой.

Камень с неба

Они сошли с поезда на станции Суна и сначала направились по берегу реки, а потом свернули на запад, в густой смешанный лес. С высокого холма они вскоре увидели широкие просторы большого красивого озера. Это был конец июня – самая пора цветения, и лес благоухал запахами цветущих трав и ягодников. По склонам холма то тут, то там открывались взору такие прелестные лужайки, что при виде их невольно слагались в уме чудесные лесные сказки.

Сереза, белокурый, голубоглазый мальчик лет двенадцати, шел впереди и не мог насмотреться на прелести лесных пейзажей. Он то и дело восторгался: «Папа, смотри!», «Папа, погляди!» В одной руке у Серезы был небольшой чемоданчик, в котором лежала картонная коробка с ватой, пробирками и флакончиками эфира, в другой – самодельный сачок для ловли бабочек. По такому снаряжению и походной одежде (на нем были добротные ботсы и шаровары с застежками внизу) в нем сразу можно было угадать юного натуралиста-мичуринца.

Позади мальчика степенно шагала такой же белокурый и синеглазый мужчина лет сорока. Он был так обвешан разными снастями рыболовного и охотничьего назначения, что сомнения не оставалось – это любитель костра и зорьки. Этот человек с улыбающимися глазами только что получил отпуск и, сменив наждак на ружье и спиннинг, бодро вышагивал вслед за сыном, вполголоса напевая:

– Спой нам, ветер, про чащи лесные,
Про звериный запутанный след...

Вскоре отец и сын остановились на привал; до места назначения еще километров пять.

- Папа... а как хорошо в лесу. И почему ты раньше меня не брал?!

- Мал ты еще был, да и отпуск приходился не на летнее время. Прошлый год ведь я в сентябре отдыхал - тебе учиться надо было...

- Папа, бери всегда отпуск летом. Мы с тобой еще куда-нибудь съездим.

- Ну, это еще надо посмотреть: как тебе понравится...

Человек и дня не провел в походе, а уже загадывает на будущий год...

- А разве это плохо, папа,- строить планы на будущее и точно их выполнять?!

- А это - смотря какие планы... Вон бабочки летают, а ты и глазом не ведешь... Для чего у тебя сачок?

- Это я размечтался, папа...

- И забыл про цель своего похода...

Сережа вскочил и погнался за бабочкой. Первой добычей была крушинница. Через минуту она уже спала вечным сном в пробирке, заткнутой смоченной эфиром ватой.

Пока отец раскладывал на плащ-палатке съестные припасы, Сережа успел поймать еще несколько разноцветных бабочек. Потом в его коробке появились и другие насекомые: стрекозы, кузнечики, жуки - майский жук, короед, дровосек, листогрыз. Сережа разложил насекомых по отрядам и написал их названия на бумажках (он записывал их даже по-латыни). Отец немало был удивлен широкими познаниями сына, но от похвалы воздержался, только про себя подумал:

«Толковый малец растет: природу любит - значит, будет агрономом или лесоводом...»

- Это все вредители леса, - со знанием дела пояснил отцу Сережа.- А друзья леса - это птицы, мелкие пернатые.

Они кормятся насекомыми и уничтожают их множество. А вот какие найти средства, чтобы уничтожить вредителей лесов полностью,- над этим сейчас работают многие ученые-биологи. Я, папа, тоже хочу стать ученым-биологом...

- Хорошо, Сережа, будь биологом. Это очень нужно для нашей страны. Оберегать леса, сады, посевы от вредителей и повышать урожаи - очень почетно и важно. Будь биологом, сынок.

Отдохнув, они пошли тропинкой, вьющейся по берегу озера. Сережа ловил насекомых и собирал редкие растения.

В заплечном мешке у него были приготовлены папки для гербария.

Вышли на полянку и снова сделали привал. Полянка эта была раньше полем, но во время войны оно было запущено, и теперь здесь росло множество разных цветов, особенно клевера, над которым гудели шмели и пчелы. Собирая растения для гербария, Сережа спугнул зайца, который лакомился нежными побегами вкусных трав. Заяц, однако, далеко не побежал, а лишь проковылял к другому краю полянки и там притаился, выжидая, когда уйдут незваные гости. По опыту он знал, что люди задерживались здесь надолго, когда косили и сушили траву. Но это время еще не наступило, и косою очень удивился, когда увидел в руках людей палки. Взрослый человек вел себя непонятно: он лежал навзничь на траве, почти не шевелясь, и время от времени пускал в воздух голубой дымок.

Но еще более странными были действия маленького человечка, который то нагибался и искал что-то в траве, хотя ягоды еще не спели, то вдруг опрометью бросался куда-нибудь в сторону и страшно взмахивал своей палкой, на конце которой болтался голубой колпак, похожий на шапочку гнома. Все это очень забавляло, хотя немного и тревожило трусоватого

зайчишку. Однако он видел, что пришельцы вели себя мирно, и продолжал отсиживаться в своем убежище из молодой березовой поросли высотой в полметра.

Солнце стояло в зените, и на небе не было ни облачка.

И было очень странно наблюдать, как по полянке вдруг проплыла большая густая тень. Сережа глянул в небо и на большой высоте заметил крупную птицу. Распустив неподвижные мощные крылья, она медленно парила в небе, как планер особой конструкции. Такие планеры товарищи Сережи, увлекающиеся техникой, во множестве изготавливали в технических кружках Дворца пионеров.

- Папа, смотри, какая-то птица - огромная, как самолет! - закричал Сережа.

Отец поднял голову.

- О-о... это, знаешь, кто? Беркут. Орел-беркут... Откуда он взялся? - удивился отец, прилаживая к глазам бинокль.- Они, беркуты, здесь редкая птица. На, посмотри... зз Сережа глянул в бинокль.

- Какая громадина!-невольно воскликнул он, поймав птицу в объектив. И тут ему вспомнились стихи:

Орел, с отдаленной поднявшись вершины,

Парит неподвижно со мной наравне...

- Папа, ну как у Пушкина, точно?

- Это он облетает свой круг,- пояснил отец.- Такой махине много надо пищи, а теперь у него уже есть орлята, их ведь тоже нужно кормить, они прожорливые. Вот так он облетает круг, километров тридцать в диаметре, и обязательно высмотрит какую-нибудь добычу - птицу крупную, зайца, а то и ягненка стащит. Это самая крупная хищная птица в наших краях. И вредная. Вот степной орел - тот приносит пользу. Он истребляет сусликов, хомяков и других грызунов, вредящих злакам и другим растениям. А этих, вредных, следует уничтожать...

- Почему же, папа, ты не стреляешь?

- Высоко, не возьмет ружье.

- А почему он так высоко летает? Боится?

- Он прекрасно видит с такой высоты даже самую мелкую добычу - любую пташку или цыпленка. А бояться ему некого - сильнее его у нас нет птицы. В лесу же ему мешают крылья. Вот так он высмотрит... Смотри, он кого-то заметил.

Сейчас начнется охота... Давай спрячемся, посмотрим, что будет...

Рядом росли кусты красной смородины. Путешественники спрятались за ними и стали наблюдать за беркутом, который, чуть лавируя крыльями, ловко кружился на одном месте, постепенно снижаясь.

- Папа, может, он того зайца увидел, что я спугнул недавно? Мне кажется, что он тут, недалеко где-то.

- Возможно. Если заяц на поляне, то хищник, конечно, его заметит, зато зайцу на такой высоте врага обнаружить невозможно.

- Папа, стреляй! Смотри, смотри, как он низко спустился...

- Нет, еще высоко,- возразил отец, однако ружье приготовил и даже прицелился.

Сереза с нетерпением ждал - вот-вот отец выстрелит, но тот все медлил...

И вдруг случилось невероятное. Беркут взмахнул крыльями, подпрыгнул в воздухе, как под невидимым ударом, и, сложив крылья, камнем свалился с неба... А выстрела между тем не было... Сереза недоумевал. Что это - гипноз ружья на расстоянии... или какой другой охотник подбил птицу издалека, так что и выстрела слышно не было?..

Но что это?.. Не долетев до земли метра два-три, орел со свистом выбросил крылья и, распустив их гигантским зонтом, повис у самой земли. Еще взмах - и

воздух огласился таким страшным криком, что у Сережи холодок пробежал по спине, и на затылке что-то зашевелилось, приподнимая панаму...

Балансируя крыльями, беркут сидел на отчаянно прыгающем зайце. Вонзив в его спину свои железные когти, он методично, удар за ударом, бил клювом по черепу истошно кричавшей жертвы.

И тут-то раздался выстрел... Сережа от неожиданности сел в траву, вторично ощутив неприятное движение кожи на затылке. Он не заметил даже, как беркут, опрокинутый ливнем дроби, свалился в траву, но тут же снова взмахнул крыльями и, отчаянно рванувшись, взмыл в воздух. Рывками, зигзагами, мотаясь в воздухе, словно под сильными порывами ветра, он поднялся над лесом, не выпуская из когтей добычи. Отец разрядил в улетающую птицу второй ствол, однако беркут был уже далеко, и вряд ли на таком расстоянии дробь «достала» его.

- Вот ведь незадача-то какая,- досадовал бывалый охотник.- Я и забыл, что в правом стволе у меня был бекасинник, надо было стрелять из левого. Перепутал, балбес старый. Однако я его все же ранил, это видно по полету.

Теперь упадет где-нибудь в лесу. Пропадет даром чучело...

Сережа, между тем, оправился от испуга и тоже принялся упрекать отца:

- Эх ты, папа! Уж дал бы мне ружье, если стрелять не умеешь. Помнишь, как я весной глухаря срезал, - будто заправский охотник, похвалялся он.

- Ну, ну, было такое дело. Да ведь чего не случается на охоте. Увлечешься вот так - и обязательно что-нибудь напортишь. На охоте, кроме быстроты, еще и хладнокровие требуется, спокойная рассудительность...

Делать нечего - пора продолжать путь. Путешественники направились к озеру и вскоре вышли

на то место, где Павел Степанович не раз с большим успехом удил крупных окуней.

Здесь же шла на спиннинг большая щука.

Первая Сережина зорька оказалась удачной. Рыболовы наловили полное ведро окуней, а Сережа, освоив технику ловли спиннингом, вытащил двух довольно больших щук.

Вечером наши знакомцы были уже в селе, где Павел Степанович ежегодно снимал комнату у старого охотника и рыболова, участкового лесника Никиты Тимофеевича. Поужинав вкусной окуневой ухой, наши рыболовы хотели было отправиться на сеновал, чтобы провести ночь на вольном воздухе, но вдруг на крыльце дома послышался какой-то шум.

- Не у вас ли остановились городские гости? - спрашивала хозяйку дома какая-то женщина.- Я им подарок принесла. Пускай бы в город увезли. Там такая диковинка к интересу...

Через минуту в комнату вошла немолодая колхозница.

В руках у нее было что-то серое.

- Смотрите, что я вам принесла. Прохожу, это, я по Заозерью днем. Вдруг слышу: хлопает что-то в кустах. Смотрю, а он, чертяка, подбитый-то, кувыркается в кустах, улететь от меня хочет, да уж силы-то, видно, нет. Подбил его кто-то из ружья. Свалился у меня на глазах и дух испустил. Зачем, думаю, пропадать такой диковине - редкая это птица. Взяла и притащила домой. А тут узнала, что гости городские есть...

Здравствуйтесь, Павел Степанович, опять к нам пожаловали,- узнала словоохотливая женщина Сережиного отца.- А это ваш сынок? Как тебя зовут-то? Сережа? Вот тебе, Сережа, подарок от нас, местных жителей...

И женщина раскинула свою находку на полу. Это был редкостной величины орел-беркут. Распущенные

веером крылья его заняли все пространство между русской печкой и противоположной стеной – метра два, не меньше. Даже и в мертвом в нем угадывалась огромная сила: кажется, вот взмахнет он своими мощными крыльями и не удержат его ветхие стены старого домика...

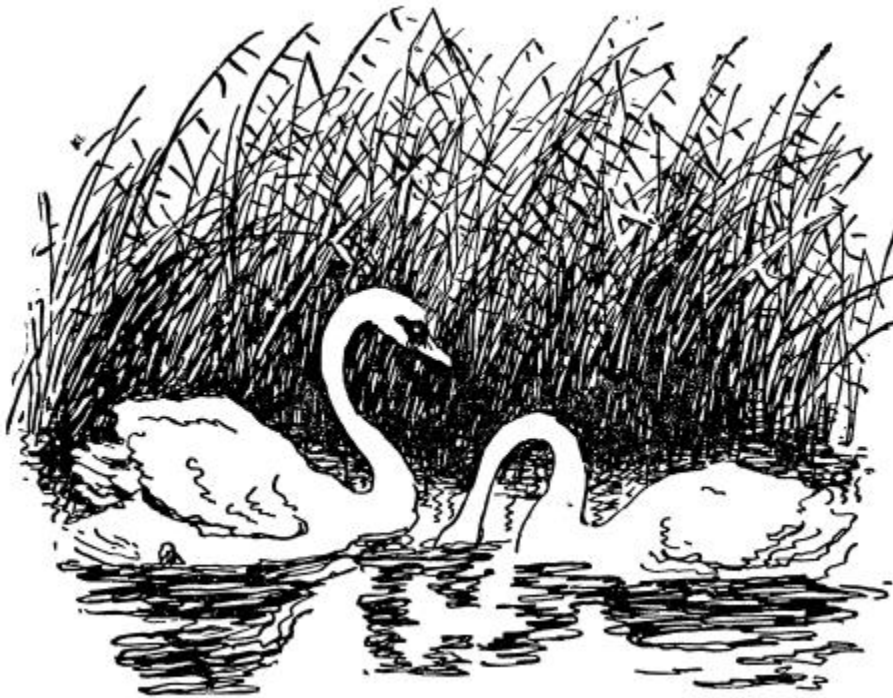
– Ну вот... А ты говоришь, что я плохой охотник, смеялся Павел Степанович, обращаясь к сыйу.- Бекасинником, да с такого расстояния – чуть не сто метров... Где ты видал еще таких охотников?

– Так это вы подстрелили птицу? А я-то думала, что подарок несусь...

– Спасибо, Егоровна, спасибо... Все равно мы бы его не нашли – леса-то вон какие. Так что это, действительно, подарок нам. Мы его в музей свезем – пускай городские люди посмотрят.

В разговор вступил Никита Тимофеевич:

– Раньше, говорят, их много водилось в наших краях, а теперь повывелись. Война, видно, распугала, как и многих других птиц и зверей. Тут на Пертозере есть одна скала высокая. На этой скале беркуты издавна гнезда свои вили и птенцов выводили. Царь-то Петр будто бы охотился на них,- так старики сказывают,-да и наткнулся на руду-то с одним рудознатцем своим. И когда шахту открыли, то «Орлом» ее назвали. Эта шахта и сейчас сохранилась, да только водой затоплена. А орлы и поныне гнездятся там, только не каждый год, однако. Что-то мешает им – люди ли, другое ли что – не могу вам сказать. Ты, Сережа, обязательно побывай там – очень красивые места. А может, и гнездо найдешь орлиное...

Лебединая песня

Когда мне было лет шесть и я смотрел на мир, окружающий меня, глазами героев русских и карельских сказок, в которых добрые и красивые царевны превращались то в лягушек, то в лебедушек,- я воображал себя храбрым царевичем-королевичем и искал лебединое яйцо, спрятанное в ларце на дне моря-окияна. Другого мира для меня в природе не существовало, так как я был еще мал и отец не брал меня с собой в заманчивые лесные и озерные дали.

Мой дедушка Егор жил в дальнем карельском селе, но часто бывал у нас проездом в город. Он всегда привозил мне что-нибудь интересное – то леденец, то пряник; но чаще всего это были дары самой природы – заячья лапка, крыло косача или целое чучело какой-либо редкой пичуги, а однажды...

Но, по порядку.

Вечером бабушка рассказала мне сказку про царевну- лебедь, которую Кашей Бессмертный запер в своем подземном дворце за семью железными дверями и семью железными замками, и я всю ночь искал ключи от Кашеева замка. Я ехал на коньке-горбунке, летел на крыльях лебедей, плыл на щуке, но заветного яйца так и не нашел. Проснулся я печальный. Но тут подошла ко мне бабушка и подала огромное белое яйцо:

– Это дедушка Егор со дна моря достал и тебе привез.

Удивлению моему не было границ. Помнится, я даже заплакал от умиления и, пока дедушка ездил в город, не выпускал диковинного подарка из рук. Я горел желанием поскорее обнять и расцеловать старика, хотя у него была очень колючая густая борода. Теперь дедушка Егор представлялся мне самым добрым

волшебником, какие даже и в сказках редко бывают: они обычно указывают герою дорогу или дают какой-либо талисман, чтобы тебе сопутствовала удача; но мой дедушка...

Он приехал через три дня, и я не слез с его коленей, пока он не рассказал мне, как достал лебединое яйцо. Дедушка говорил по-русски, но иногда вставлял карельские слова, и от этого рассказ его становился еще более сказочным.

- Далеко-далеко, на западе, за много верст отсюда, за десятью болотами и за пятью озерами есть глухой темный лес.

В том лесу никогда не ступала нога человека, и только птицы да звери живут в нем в добром согласии, потому что никто их не трогает, никто не пугает. И добрые люди сказывали, что есть в том дремучем лесу большое, но чистое, как родник, и светлое, словно небо, озеро Черанга. У берегов его растут высокие камыши, а вокруг теснятся крутые скалы.

И с давних времен полюбилось это озеро белым лебедям. Они прилетали сюда каждую весну и жили до осени, выводя птенцов и купаясь в серебристой воде. От этого их белые перья становились еще белее. Я и сам видал по весне, как над нашим селом пролетали эти большие красивые птицы. Но близко лебедей я никогда не наблюдал, и мне так захотелось их увидеть, что я не выдержал и одел свои охотничьи семиверстные сапоги (в этом месте мне захотелось спросить дедушку: где же он взял сапоги-скороходы, так как я не слышал, чтобы у него были такие сапоги), сел в лодку-душегубку (тут у меня опять появилось желание кое-что спросить, но дедушка жестом предупредил меня, что спрашивать ни о чем нельзя) и направился в лесное царство. Долго ли, коротко ли плыл я в лодке и шел пешком и, наконец, пришел к этому озеру. С высокой скалы я увидел двух очень красивых птиц. Они плавали недалеко от берега,

беззаботно резвясь и играя. Я был так очарован их красотой, что, не шелохнувшись, простоял все время, пока они играли. Потом лебеди поплыли к берегу и скрылись в зарослях тростника за широким проливом. Я догадался, что у них там гнездо. Недолго думая, я сел в свою лодку-душегубку и поплыл на другой берег. Но тут поднялась страшная буря – сверкали молнии и гремел гром, вода лилась с неба, как из падуна, однако я прорвался сквозь бурю к берегу и стал искать лебедей. Три дня и три ночи искал я птиц: передо мной вставали отвесные скалы, преграждая дорогу, ветви деревьев хлестали меня по лицу, а скользкие камни уползали из-под ног, и я падал в жидкую грязь, но я все ходил и искал, ходил и искал, пока не нашел.

Лебеди сидели в расщелине скалы у самой воды, заросшей камышом. Сама природа подготовила им такое место, что никакой зверь или хищная птица не смогли бы отыскать их уютный домик. Испугавшись меня, лебеди с криком улетели. На веревке я спустился в ущелье и нашел гнездо, свитое из сухих побегов тростника, середина его была выложена мягкими тростниковыми верхушками и устлана белым лебяжьим пухом. Сердце мое затрепетало от радости, когда я увидел в гнезде четыре крупных яйца – все четыре, как одно. Сквозь тонкую перламутровую скорлупу светилась на солнце прозрачная, как хрусталь, жидкость с янтарным ядром внутри. Я нежно потрогал яйца рукой, они были еще теплые. Мне так захотелось унести с собой хотя бы одно яйцо тебе в подарок, но я знал, что благородные птицам жаль будет расстаться с ним, и решил не трогать. А в это время вдруг поднялся ветер, и я услышал тревожные крики лебедей, будто они звали меня на помощь. Глянув вверх, я увидел огромного коршуна, который, распустив крылья, собирался напасть на лебедушку. Тогда я схватил лук и выстрелил ему в самое сердце... Я долго еще любовался

лебедями, которые теперь не боялись меня, а потом поднялся на скалу и заснул там богатырским сном – ведь я не спал три дня и три ночи. А когда я проснулся, то увидел в своей шапке, которая свалилась у меня во время сна, это вот яйцо... Это лебеди послали тебе в подарок за то, что я спас лебедушку от лютой смерти и – ...не коршуна убил, а чародея подстрелил.

Рассказ дедушки Егора так глубоко запал мне в душу, что я помню его и сейчас. Немудрено, что мне страстно захотелось самому попасть на лебединое озеро и посмотреть на этих чудесных птиц. И такой случай представился мне много лет спустя, когда я сам уже, подобно дедушке, успел сходить за тридевять болот и за тридесять озер, в самое глухое лесное дарство. ...На землю спустилась тихая белая ночь. С неизменным моим товарищем по рыбалке, охотником и знатоком рыбных мест Ефимом Ивановичем и его внуком Гришуткой мы расположились на южной оконечности Семиверстного острова и наслаждались прелестью теплой июльской ночи. С нами зоревал ученый-биолог и добрый мой приятель Сергей Сергеевич. Вечерний лов был удачен. Мы вдоволь натаскали окуней и плотвы и, довольные успехом, варили окуневую уху.

Рядом, в костре, потрескивали сухие смолистые сучья, чуть шуршали окаймлявшие берег камыши, где-то на гребне узкого острова попискивали неугомонные пернатые, да изредка доносились всплески рыбешек, гонящихся за ночными бабочками.

Перед нами расстилалась невозмутимо зеркальная гладь озера, алеющая от широкой – в полнеба – зари; поверхность воды в точности передавала все оттенки неба, и редкие барашки облаков так же свободно плавали в глубине прозрачных вод, как и в бездонной небесной глубине. Заря все более разгоралась,

возвещая приход утра, и небо, ежеминутно меняя тона, светлело, обещая погожий день.

Мы уже проверили свои снасти и хотели было отправиться в лодке на утренний клев, как произошло нечто, расстроившее все наши планы.

Неожиданно над лесом раздался свист сильных крыльев, сопровождаемый трубными гортанными звуками. Невольно повернув головы, мы увидели двух огромных птиц. На фоне зари их снежно-белое оперение отливало сверкающим в невидимых еще лучах солнца серебристо-алым перламутром.

Пролетев над нами, птицы спокойно опустились на воду в проливе, отделяющем остров Осиновец от Семиверстного.

- Тихо...- вполголоса сказал Сергей Сергеевич.- Подождем, посмотрим. Рыба наша никуда не уйдет. А таких редких птиц, как лебеди-кликуны, не так-то часто приходится видеть... Это самая красивая птица в наших краях. Да, пожалуй, и не только в наших...

Мы и сами не трогались с места, очарованные прелестью увиденного. У этих птиц все было прекрасно, начиная от снежно-белого оперения и кончая янтарно-желтым клювом. А грация, какая грация! Эти плавные повороты корпуса и грациозные взмахи крыльев, эта гордая посадка маленькой головы на гибкой, подвижной шее... Играя, лебеди подплывали друг к другу, нежно касаясь крыльями и шеей, потом погружались в воду, отряхивались, расправляли крылья и клювом выжимали маховые перья, как бы проветривая их на воздухе.

- Ну и дружные какие! - не вытерпел Гришутка.

Птицы услышали человеческую речь и забеспокоились.

Чутко прислушиваясь, они застыли в неподвижных позах.

Сергей Сергеевич погрозил Гришутке пальцем. Но потом, когда лебеди успокоились, он сам стал рассказывать тихим, как шелест камыша, шепотом:

- Как соберутся стаями, разобьются на пары - так всю жизнь и неразлучны. Вместе прилетают сюда и выводят птенцов, вместе возвращаются, уже с птенцами, на Каспийское море и в другие теплые страны. И ничто их не разлучит - если погибнет один, то и другой не желает жить без друга. Он умирает с тоски... Но теперь их никто у нас не беспокоит. Их жизнь оберегается советским законом. И правильно - нельзя губить такую красоту. Да и в давние времена этих птиц не принято было убивать, хотя мясо их очень вкусное и нежное, а пух лебяжий - сами знаете, как ценен. На глухих карельских озерах мне приходилось видеть их целыми стаями, и никто их не трогал, только иногда кто-нибудь брал яйца в гнездах. Люди не знают, что лебедка не кладет яйца вторично. И вот оттого, что гнезда их разорялись, а на Каспии вовремя продолжительных бурь лебеди часто гибли от голода, их с каждым годом становилось все меньше... А ведь какая прелесть... Смотрите: они погружаются в воду - это они достают сладкие корни камыша или мелких донных животных. Безобидные, прелестные создания!

- Да, народ наш любит лебедей,- вставил и свое слово Ефим Иванович.- Раньше на досюльных свадьбах в причетях невесту всегда называли лебедушкой. А сколько сказок про них в народе сложено, и не счесть... Али песен тоже...

- Ка-ак по морю, как по морю,
Как по морю, морю синему,
Плыла лебедь с лебедятами,
С молодыми со утятами...-

вполголоса запел Сергей Сергеевич, не в силах удержаться от нахлынувших чувств.

Я молчал. В голове роем проносились образы царевны- лебеди и ее братьев-витязей, превращенных колдовскими чарами в лебедей, те светлые образы далекого детства, когда мир еще кажется прекрасным и чистым и даже Кащей Бессмертный бессилен растоптать его светлые радости. В ушах моих звенела музыка Чайковского, и двенадцать маленьких лебедей в белоснежных платьицах танцевали неопикуемой прелести танец...

Сергей Сергеевич снова запел вполголоса, вернее, он не пел, а читал, растягивая слова:

- Там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится прощальная,
Как последний крик души...

Это плачет лебедь умирающий...

В это время с противоположного берега раздался выстрел.

Один из лебедей перевернулся на воде и заметался в бесплодной попытке взлететь. На белоснежном крыле его проступило алое пятно крови. Он вытянул шею и застонал. Трубные звуки, будто вырывающиеся из самого сердца, звенели так надрывно, так жалобно, что казалось - звенят струны самого раненого сердца... Между тем тело лебедя как-то все обмякло и безвольно расплылось по воде, гордая красивая шея повисла на теле друга, бессильные крылья погрузились в воду. Другой лебедь, распутив сверкающее белизной могучее крыло, нежно касался им рыдающей подруги, своей гибкой шеей он поддерживал голову умирающей, изредка оглашая воздух коротким гортанным клекотом.

Так продолжалось несколько минут. Наконец стоны раненой птицы смолкли, голова ее упала в воду и затонула...

И тогда раздалась другие трубные звуки. Это было что-то непостижимое. Плач этот был так печален, что раздирал наши души невыносимой тоской...

Я взглянул на мужественное лицо Ефима Ивановича, закаленное в морских и пеших военных походах, на лицо человека, который на своем веку видал всякие виды,- по его седой бороде дождинками стекали слезы, тело вздрагивало. Гришутка, не стесняясь, всхлипывал, размазывая рукавом обильные слезы. Синие глаза Сергея Сергеевича потемнели, лицо стало каменным.

Сжав кулаки, он громко произнес:

- Этот браконьер когда-нибудь попадетсЯ мне под руку...

Эх! Есть же еще такие люди на свете! Рвачи, выжиги, тунеядцы!

Мы посоветовались: нельзя ли сейчас обложить его на острове и заставить держать ответ, но тут же решили, что, конечно, его не догонишь.

- Нужно ехать домой-клев уже прошел,- как бы очнувшись, громко сказал Ефим Иванович.

- Тише, дедушка, спугнешь лебедя, - все еще находясь под властью тоски, шептал Гришутка.

- Теперь его ничто не спугнет - он обречен на гибель,- пояснил Сергей Сергеевич.

Лебедь все еще пел прощальную песню, медленно кружась около мертвого тела своей подруги, и не проявил ни малейшего страха, когда мы проплывали совсем близко от него.

Наоборот, он протягивал свою красивую шею в нашу сторону и трубил-трубил, как бы жалуясь нам на свое неутешное горе...

По просьбе Гришутки мы остановились поудить окуней около маленького островка. Прошло не больше часа, как к нам подъехала лодка с двумя мальчиками, приятелями Гришутки.

Почти разом ребята начали рассказывать:

- Какое чудо мы видели у острова Осиновец... Там плавают два мертвых лебедя, а вокруг них трое лебедят...

- Я так и знал,- грустно сказал Сергей Сергеевич.

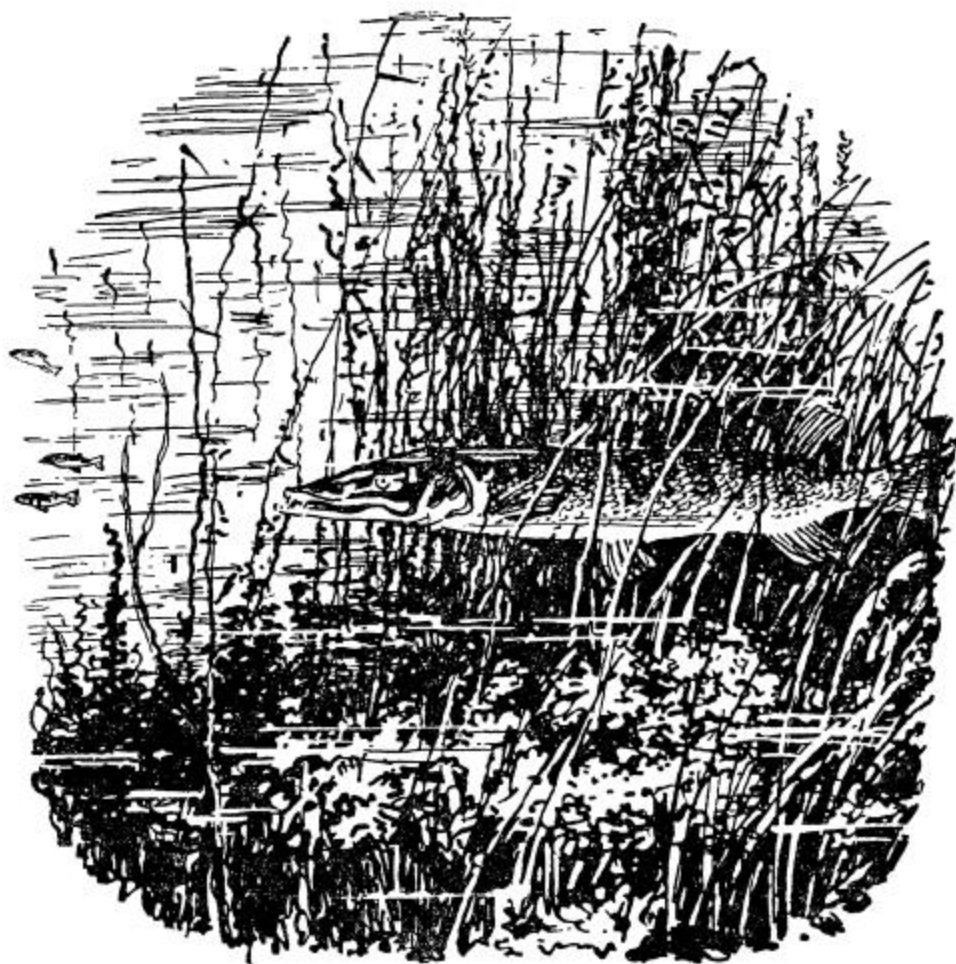
Мы не узнали, как погиб второй лебедь. Может быть, он поднялся высоко в воздух, камнем рухнул вниз и разбился о скалы, а может, умер с тоски, обняв свою подругу крылом.

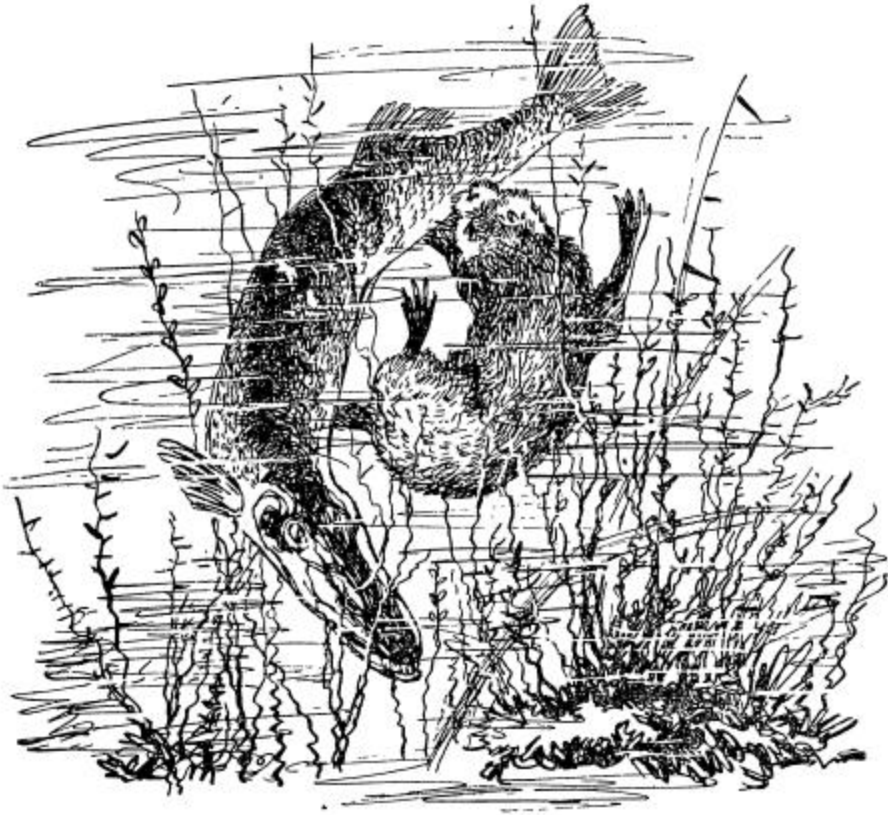
Но ясно одно - он умер рядом с подругой, сохранив свою верность до конца.

Лебединая песня - последняя песня души...

В ВОДЕ

Битва под водой

Родилась щука под водой из маленькой икринки. Ей удалось спастись и от рака и от чайки, и от других хищников, которые поедают щучью икру и мальков. В середине лета она стала щуренком и научилась хватать и заглатывать маленьких рыбок. Не обошлось и без приключений.

Опустил однажды рыбак сак с проволочным обручем и нитчатой сеткой на дно озера. Забежали в сак мелкие окушки, а за ними по глупости погнался и щуренок. Начал рыбак осторожно вытаскивать сак из воды, а щуренок заметался, перепрыгнул через обруч, упал в воду и стал быстро-быстро глотать ее, чтобы смочить пересохшие жабры.

На второе лето щуренок уже стал маленькой щучкой.

У него выросла широкая зубастая пасть, и тело стало длинное, как стрела. Жадным стал щуренок, все время гонялся за мелкой рыбешкой.

Удит мальчик окушков. Длинное удилище протянулось далеко над водой. Вдруг поплавок подпрыгнул, побежал в сторону и утонул. Мальчик быстро потянул удочку, и над водой показалась острая морда. Она метнулась, обломил крючок и скрылась под водой...

Прошло несколько лет, маленькая щучка превратилась в большую щуку и сама уже стала метать икру среди густых камышей. В жаркие дни щука подплывала к берегу, прячась в водорослях, охотилась за уклеяками и плотицами, а ночью спала.

Однажды, в солнечный день, щука питалась под широкими зелеными листьями водяной лилии. Разве ее тут заметишь!

Спина темно-зеленая, бока пятнистые, будто тени легли на воду. Стоит щука неподвижно и смотрит вдаль. Там окунь гоняет уклек, и они стайками выпрыгивают из воды, серебрясь в воздухе. Рванулась вперед щука на самого крупного окуня, схватила его с хвоста, и ее потащило вперед. Это рыбак потянул дорожку с окунем. Но, увидев лодку, щука так сильно метнулась в сторону, что разорвала себе пасть и умчалась далеко в озеро...

Больше ста лет прожила эта зубастая хищница в Онеге.

Она съела за это время много рыбы, не брезговала лягушками и змеями. Каких только рыб не ела она на своем веку: и проворных лососей, и форелей, и палю, и лещей, и налимов, а сколько извела плотвы, ряпушки – счету нет. Долго бы еще прожила щука, но схватка с ондатрой погубила ее.

Ондатра, или мускусная крыса,- ценный пушной зверек с длинным черным хвостом, спина и бока у нее коричневые, а брюшко и грудка серые. К нам на север ондатра завезена из Америки. Никто, пожалуй, кроме бобра, так не заботится о потомстве, как ондатра. Она искусно плетет хатки из камыша, тростника и водорослей. Живут ондатры колониями.

Вы и сами, наверно, видели, как они для постройки хаток таскают в зубах строительный материал – камыш и хворост, которого очень много в заливах наших озер и на болотах.

Питается ондатра болотной и водной растительностью и отчасти рачками и моллюсками. Она быстро плодится.

Самка рождает в год по три-четыре слепых детеныша. У ондатры между четырьмя пальцами на лапках имеются перепонки, как у лягушки, и благодаря этому она быстро плавает и ныряет, не хуже гагары или

утки. Проплывет под водой метров двадцать, а потом поднимется на поверхность.

Попробуй-ка убей ее дробью из ружья, не так-то просто. Пока дробь ложится, она успевает нырнуть. Поэтому охотятся на нее чаще капканами, которые расставляют возле хаток и нор зверьков.

У ондатры много врагов и помимо человека: и лиса, и озерная щука; но в схватке с врагами она проворна и беспощадна.

В один теплый майский день вместе с косяком корюшки, метавшей икру, попали в мережу сиги, а за ними – крупный налим, туда же заскочила и ондатра. Корюшка – маленькая, выскользнула сквозь ячейки мережи, ее и след простыл, а сиги, налим и ондатра остались в западне. Ондатра стала прогрызать сетку, чтобы освободиться. Налим, по своей глупости и жадности, решил подкормиться в неволе, схватил сига и начал его медленно заглатывать.

Вдруг в мережу ворвалась знакомая нам щука. Не видя корюшки, она начала метаться туда и сюда, пытаясь отобрать у налима сига, но, увидев ондатру, яростно дернула ее за хвост. Ондатра, почувствовав сильную боль, одним движением рванулась под брюхо щуки и острыми зубами распорол его. Щука долго гонялась за ондатрой, но та ловко увертывалась. Наконец, обессилев, щука всплыла вверх брюхом. И ондатра без воздуха тоже задохнулась.

Когда дедушка Егор поднял мережу, Сеня, его внук, так и ахнул:

– Ой, дедушка, щучища-то, щучища какая!

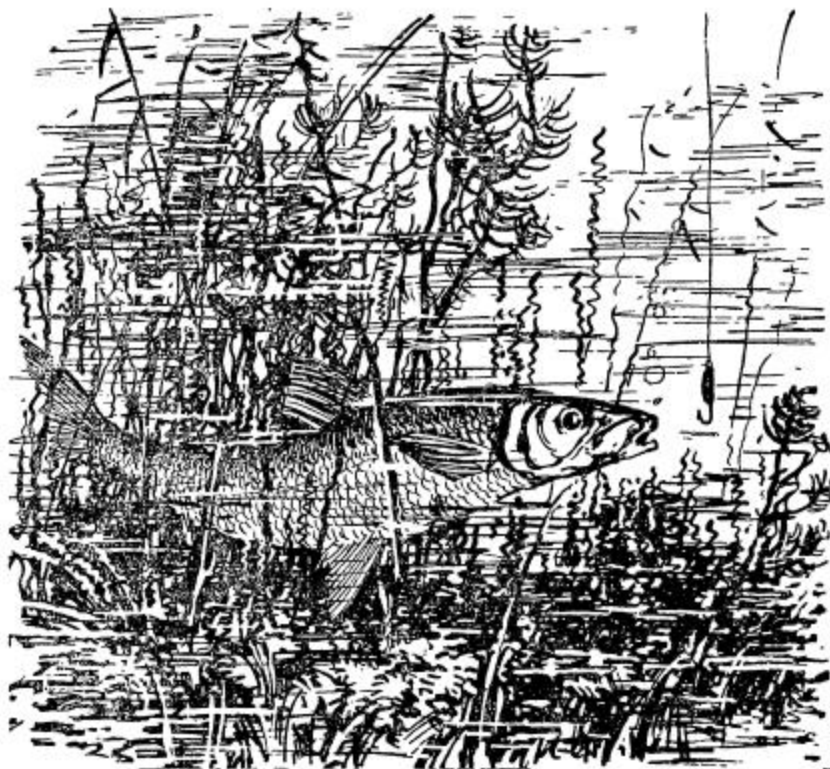
А дедушка смеется:

– Ну и глупая же она: сто лет прожила, а смекалки нет.

Недаром говорят – рыбий ум. Если бы она не помешала ондатре, та прогрызла бы сетку – и себя освободила, и ее.

Вот какие бывают схватки под водой,- добавил старый рыбак, втаскивая столетнюю щуку в лодку.

Сиги-переселенцы

Стоял ясный зимний день 1928 года. У нашей школы остановились две сытые лошадки, запряженные в сани.

- За нами приехали, Петр Иванович, одевайтесь скорей, - перебивая друг друга, кричали школьники.

Нетерпение моих учеников, юных натуралистов школы, было понятно. Сегодня нам предстояло совершить не совсем обычную экскурсию на озеро.

Дело в том, что мне, как местному краеведу, знакомому с флорой и фауной озер района, рыбохозяйственная станция поручила найти благоприятные места для разведения сигов в Кончезере. Я знал такие места, где дно покрыто крупнозернистым гравием или галькой и где не водится хищной рыбы - окуней и щук, которые могут истребить мальков. По моим указаниям во льду озера были заранее сделаны проруби, в которые и нужно было опустить икру сигов. Для этой- то операции я и пригласил своих юннатов.

Оплодотворенная икра сигов была доставлена к нам из Чудского озера. Она сохранялась в садках-инкубаторах.

Маленькие зародыши-икринки уже прошли период инкубации и вот-вот должны были прорвать оболочки яиц.

Выпуск икры производится при внешней температуре не менее ноля по Цельсию. Поэтому неудивительно, что ребята с волнением смотрели на термометр. На наше счастье, погода стояла теплая. Мы благополучно добрались до проруби, сделанной у луды около Телячьих островов. Ребятам поручили держать в руках садки, а женщина-рыбовод костяной ложкой

осторожно накладывала икру в марлю и погружала ее в воду.

Нагнувшись над прорубью, школьники с восхищением следили за тем, как у них на глазах вылуплялись крохотные мальки. Точно цыплята в инкубаторе, они прорывали оболочку икринки и, похожие на головастиков, быстро юркнув в воду, разбегались по всем направлениям.

С тех пор прошло два с половиной десятилетия. В Кончезере и Пертозере, куда одновременно была пущена икра, сигов с каждым годом становится все больше. Условия для них в обоих озерах оказались благоприятными. Здесь высокая кислородность воды, много глубоких мест, обилие пищи, удобные для нереста места. Наши сиги сейчас достаточно жирные, мясо их густое, рассыпчатое, вкусное. Средний вес сига – от пятисот до тысячи пятисот граммов. Однако в Кончезере часто попадаются сиги и в два килограмма, а в Пертозере рыбаки вылавливали и пятикилограммовых рыб.

Сиги водятся во многих северных озерах нашей страны.

Это ценная промысловая рыба. Она хорошо приспособлена к жизни в холодной плотной водной среде. В поисках пищи сиг быстро движется в воде и легко убегает от налимов, щук и других хищных рыб. Разглядеть в воде сига трудно. Если хищник выслеживает рыбу снизу, то серебристая чешуя и белое брюшко сига, сливаясь с блестящей поверхностью воды, делают его незаметным; если же какая-нибудь зубастая щука нацеливается на добычу сверху, то ей трудно различить серую спинку сига на темном фоне илистого дна.

Сиг любит пониженную температуру воды. Ранней весной, после ледохода, и ближе к осени сиги появляются на более мелких местах – на откосах луд и

подводных кряжей, где их и вылавливают сетями и неводами. В жаркие летние месяцы, когда ребята готовы плескаться и плавать в озерах с утра до вечера, сигов у берега и в помине нет. Здесь в это время можно обнаружить щук, плотву, окуней. Сиги же в жаркое время опускаются на дно. Здесь, в зеленоватом сумраке прохладной воды, они и живут в течение многих жарких дней.

На илистом дне озера для них всегда найдется привычная пища – беспозвоночные животные – понтопореи. В верхних слоях воды сиги лакомятся рачками-дафниями. А за бабочками они устраивают настоящую охоту. Юные рыбаки и натуралисты Карелии, проводя летние каникулы на берегах озер, часто наблюдают это интересное зрелище: в ясные, тихие дни, как только над водой появляются бабочки-ручейницы, на зеркальную поверхность водоемов то здесь, то там с шумом начинают выплескиваться большие серебристые рыбы. Они ловко хватают сереньких бабочек и, взмахнув широким хвостом, мгновенно ввинчиваются обратно в водяную толщу.

Сиг – мирная рыба. Об этом говорит его маленький рот и мягкие губы с мелкими зубами. Но, отощав за долгую зиму, сиг не прочь проглотить и мелкую рыбешку. Этим пользуются рыбаки-любители. Через проруби они закидывают продолговатую блесну, у которой одна сторона из латуни, а другая из никеля. Сиг принимает блесну за рыбешку и с жадностью проглатывает ее вместе с крючком. На блесну ловятся сиги в несколько килограммов весом.

Сиг видит плохо, и ориентироваться ему, главным образом, помогают не глаза, а слух и особый орган – «боковая линия».

Сиг никогда не натывается на предметы, даже в темноте.

Попавши в сеть, сиги ведут себя спокойно, но попробуйте прикоснуться к ним рукой, как они взбунтуются. Откуда возьмутся силы! Они разорвут сеть и уйдут в озеро.

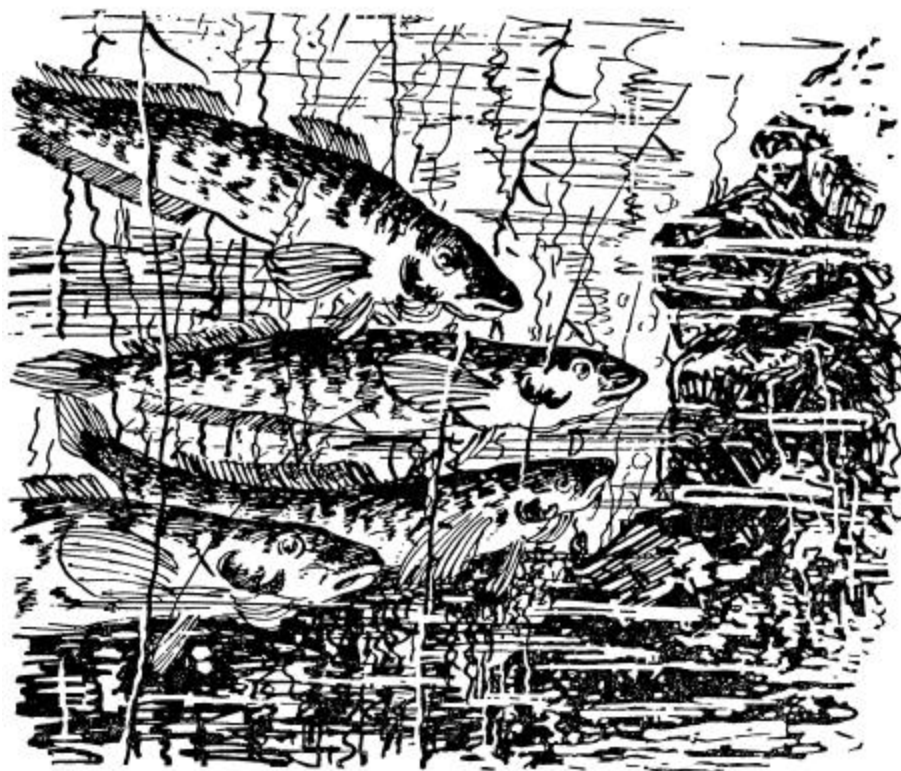
В Карелии сиги встречаются также в Онежском, Ладожском и других озерах. Здесь они живут постоянно. Но есть и так называемые проходные сиги. В середине лета и в августе они собираются в устьях рек Суны, Шуи, Водлы и поднимаются против течения. Осенью в Суне их можно встретить далеко от устья, километрах в пяти от водопада Кивач. Здесь они мечут икру. Места для метания икры сиги выбирают в тихих заводях с песчаным или каменистым дном. Весной сиги вместе с окрепшими мальками уходят обратно в озеро.

В озерах Карелии сейчас разводятся многие породы рыб.

В Крошнозере и Гомсельгском озерах, например, сиговая икра была спущена в 1948 году и хорошо прижилась. Но вот в Габозере, куда икра была внесена в тот же год, что и в Кончезере, пока не выловлено ни одного сига - мальки погибли от недостатка понтопорей. Выгозеро было зарыблено взрослыми судаками, они уже вполне акклиматизировались и быстро размножаются. В нашем Кончезере появился уже и лещ, а в Укшезере - сибирский омуль. Форель высокогорного Севана нашла себе новый дом в большой, как море, Онеге.

А совсем недавно ребята нашего села наблюдали такое явление. Со дна Пертозера землечерпательный снаряд поднимал грунт, богатый понтопореей. Люди собирали ее в особые садки и отвозили к берегам Святозера, что в соседнем - Пряжинском - районе, за сотню километров! Оказывается, там ее недостаточно, и наше щедрое Пертозеро делится своим богатством с другими озерами.

Так мудрый, жизнелюбивый советский человек преобразует природу наших озер.

А где река?

За окнами бушевала февральская метель. Мелкие колючие снежинки мириадами носились в воздухе, закрывая небо и строения непроглядной белой пеленой. Ветер грозно обрушивался на деревья, будто собираясь вырвать их с корнем и унести с собой, врывается в трубы домов и выл там голодным зверем. В такую погоду хороший хозяин и собаку на двор не выгонит.

Но что непогода для ярого охотника или рыболова?

...Третий день стоят мережи на налимов. Конечно, там рыбы невпроворот. Снимать надо мережи - ведь рыба в снастях портится...

- Папа, может, пойдём, а? - уже в который раз приставал к отцу страстный рыболов и охотник Витя.

- Да ты что, сынок, заблудиться хочешь? - с деланным недовольством протестовал отец. - Ведь ни зги на озере не видать...

Однако Ивану Петровичу нравилась настойчивость сына, его выносливость и бесстрашие в совместных походах по глухим карельским лесам и озерам. Уйдут, бывало, они с Витей в лес или на лодке под парусом - никакая погода их не держит,- день их нет и другой... Сперва домашние волновались: не случилось ли чего - мал еще Витя, а потом рукой махнули - все равно не удержишь. В лесу или на озере Витя как дома. И отцу не уступит ни в чем, хотя ему всего-то тринадцать.

Отец для виду еще противится, но потом дает согласие, и вот они идут в кромешную белую муть, идут по памяти (какие уж тут тропинки, их давно замело!), держа направление по ветру, считая шаги.

Отошли с километр. Здесь на подледной отмели должны стоять их мережи. Стали искать вешки, поставленные у прорубей.

Не прошел Витя и двадцати шагов в сторону, как провалился глубоко в снег...

- Ой-ой, папа, тону! - не на шутку испугавшись, закричал он. Пытаясь выбраться из сугроба, Витя почувствовал, что под ним нет плотного, устойчивого льда - вся снежная масса колыхается, а в валенки уже залилась ледяная вода...

- Ну и ротозей! Держись за лопату! - кричит подбежавший отец.

Витя хватается за черенок протянутой лопаты и едет на полушубке метра два-три.

- Лед-то плохо промерз под снегом... Смотреть надо, а ты...

Отец снимает с Вити мокрые валенки и выливает из них воду. Потом он отдает ему свои сухие носки. Переобувшись, Витя берется за лопату. Работа - самое верное средство от озноба. Мальчик энергично откапывает заметенную снегом прорубь, потом вторую, и зубы у него перестают стучать.

Иван Петрович тем временем поднял из воды небольшую мережу. В ней лениво ворочалось налимов десять. Во второй мереже их оказалось еще больше.

- Ну вот! Говорил я тебе, папа, что улов хороший будет.

Да и сам ты сказывал, что сейчас самая налиమ్ья пора,- радовался Витя, позабыв про свое недавнее приключение.

Опустив обратно мережи и закрепив их, отец и сын, довольные, возвращались домой. Пурга уже стихала, и деревня, вся заметенная снегом, вырисовывалась на берегу, как на картинке. Навстречу им бежали на лыжах сверстники Вити - Митя и Коля. Увидев богатый улов, ребята пришли в восторг.

Налимы были еще живые. Когда рыбы открывали рты, чтобы передохнуть, ребята совали им пальцы в рот.

- У них совсем тупые зубы и какие мелкие,- заметил Митя.

- Да, такими зубами можно только протолкнуть добычу, а жевать нельзя, - сказал Иван Петрович и сунул большому налиму корюшку. Налим быстро засосал ее и проглотил.

- Ну и обжора! Скоро сам в уху пойдет, а все еще ест! - удивлялись ребята.

- Зато ленивее их нет другой рыбы,- со знанием дела добавил Витя.- Я на них осенью насмотрелся, когда по первому льду глушить ходил. Правда, их трудно заметить - они такие серые и бесформенные, что на мелком месте их и не разглядишь, особенно, если дно илистое.

- А скользкие какие! Я один раз летом из лодки его выпустил,- с сожалением заметил Коля.- Мы поймали его на живца. Огромный был, вот такой,- Коля широко развел руки.- Я взял его за жабры и положил на колени, а он как махнет, да за борт... Я его и за хвост ведь держал, да разве удержишь...

- Не только рыбы бывают такие скользкие да ленивые,- усмехаясь, вставил Иван Петрович.- Напроказят и улизнут...

- А в нашем классе есть такой лентяй,- вспомнил Митя.- На переменах только и делает, что ест, как налим.

То колобы, то баранки глотает, а на уроках еле шевелится.

- А на днях, знаете, что выкинул,- рассмеялся Митя, заранее предвкушая удовольствие от своего рассказа,- съел бобы в ботаническом кабинете. Мария Сергеевна ищет, ищет: были бобы - и нет бобов. Надо было на уроке их показывать. Чуть урок не сорвал. Все ищут-ищут. А тут Миша Трофимов как закричит: «Я знаю, где бобы - их Сенька Колчин съел! Он и меня угощал на днях... «На, говорит, ешь да помалкивай...»

Дал мне целую горсть. А я почему знал – думал, у него свои».

Сенька отпирался сначала, хотел улизнуть, как налим, да мы разоблачили его. Дома у них никто никогда и не сажал бобов.

Вот ведь какой обжора!

Ребята долго хохотали, наперебой вспоминая детали этого забавного происшествия.

Дома, когда рыбу стали чистить для засола, Иван Петрович пояснил:

– С икрой – это самка, а с молоками – самец. Вот если выдавить икру в чистый эмалированный таз с водой и полить молэкой да помешать птичьим мягким перышком, то икринки оплодотворятся, и в проточной воде, где много кислорода, зародыши, как цыплята в яйце, пройдут инкубацию и превратятся в мальков, а из мальков уже вырастут маленькие налимычки.

– Дядя Ваня, мы обязательно так сделаем и выпустим икру в реку. Правда, ребята? – загорелся новой идеей Коля.

– Только не прозевайте – скоро нерест кончится, – сказал Иван Петрович и продолжал: – После нереста налимы тощат и становятся очень прожорливыми. Они клюют на всякую наживку, и тогда их очень легко вылавливать. В детстве я ловил их в это время даже на деревянные крючки.

Железных-то не было. Наделаю крючков из прутьев сухого березового веника, насажаю на них корюшки и спущу с грузилом в прорубь. А на другой день вытаскиваю налимов – они корюшку заглатывают вместе с крючком и шнуром.

Вечером юные друзья угощались вкусной налимьей ухой, а Иван Петрович продолжал свой рассказ о налимах.

– Наши речные налимы нерестятся зимой, а крупные онежские налимы, так те поздней осенью или в начале

зимы.

Метать икру они также, как лососи или сиги, поднимаются в реки-в проточную воду, богатую кислородом. Когда лососи проходят на нерест, часто можно видеть в порогах, как они, преодолевая бурное течение, перепрыгивают через препятствия. У лосося икра крупная, и, может быть, потому, что ее мало, – эта рыба очень заботится о потомстве. Во время нереста самцы делают хвостом лунку среди песка и гравия.

Самка мечет в нее икру, а самец, полив ее молокой, сторожит лунку до тех пор, пока не появятся и не окрепнут мальки.

Налимы же не заботятся о потомстве, но зато число икринок у крупной самки достигает миллиона. Проходные онежские налимы привыкли путешествовать по устьям рек, и в конце осени или в начале зимы они каждый год приходят на нерест в нашу реку Суну. Но однажды их постигла неудача...

В этом месте Иван Петрович прервал рассказ и закурил.

Он, видно, знал, где остановиться – в самом интересном месте. Он всегда так рассказывал. Однако он не заставил ребят долго томиться, тем более, что было уже поздно. ...А дело было так. Подошли налимы огромным косяком к устью Суны и вдруг остановились. Что за чудо: была река – и нет реки! Перед ними стояла гряда камней, и не было воды... Лед, еще не очень толстый, лежал прямо на каменистом дне реки, и лишь небольшой ручеек пробивался между крупными валунами устья. В такой маленький ручеек налимы пройти не осмеливались. Они скучились возле устья и долго совещались: что делать? Во-первых, пытались выяснить – куда делась такая большая река, которая каждую зиму служила им хорошим домом и в которой было так много вкусной пищи для них самих и их будущих детенышей. А во-вторых,- что делать, где

искать другую реку, чтобы выполнить план нереста. (Дядя Ваня так и сказал – «план нереста», чему ребята от души посмеялись.) Не найдя удачного решения, налимы повернули в ближайший заливчик и решили здесь переночевать и отдохнуть под толстым прозрачным льдом.

Утром колхозник дядя Гриша разделявал с ребятами дрова на самом берегу залива. Ребята то и дело спускались на лед прокатиться. Вдруг они заметили, что подо льдом лениво шевелится что-то большое и серое. Позвали дядю Гришу.

– Чудаки вы,- сказал он,- ведь это же налимы! Тащите скорей пешни и топоры!

Пока ребята бегали за инструментом, дядя Гриша разыскал березовый курйк* и, нацелившись в голову налима, ударил по льду со страшной силой. Лед треснул множеством лучеобразных стрел, и налим, оглушенный ударом, перевернулся кверху брюхом. Потом дядя Гриша прорубил лед, орудуя то топором, то пешней и приговаривая:

– Ну и налим – наплачешься с ним...

Налим, действительно, был огромный; он вытянул около пятнадцати килограммов.

В этот день все население деревни охотилось на налимов.

Исколотили весь лед, выловили сотни крупных рыб, и только вечером налимы ушли в глубину-поняли, что не следует подниматься так близко к прозрачному льду. Совещались всю следующую ночь и опять не пришли ни к какому решению...

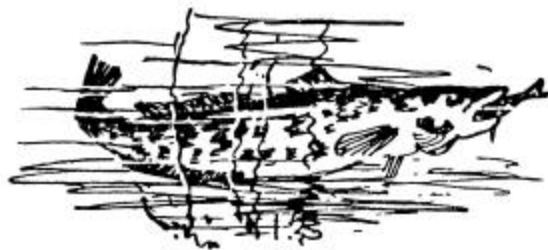
А наутро неожиданно полилась в залив речная вода.

Налимы, забыв свою неповоротливость, ринулись против течения. Да так, говорят, и плыли, не останавливаясь, до самого Кивача. А там узнали, почему не было воды. Сплавщики делали на водопаде отводной лоток и, чтобы пустить в него воду, перекрыли реку

плотиной, да так здорово, что оставили один небольшой ручеек. Откуда было знать сплавщикам, что налимов постигнет такая беда? А налимы, как узнали о таком нечутком отношении к ним со стороны сплавщиков, так подали коллективную жалобу в трест Кареллесосплав. Да только она и теперь там под сукном лежит...

* К у р и к – колотушка.

Насмеявшись вдоволь, ребята разошлись по домам, а через два дня опустили в реку садок с обсемененной налиమ్ьей икрой.

НА ЗЕМЛЕ

Гордость леса

Хорошо ясным сентябрьским утром в нашем лесу. К этому времени уже созревает брусника, а грибов видимо-невидимо.

И вот в такое-то утро пришла к нам бабушка Ермолаевна.

Видно было, что она очень торопилась.

- Собирайтесь в лес...- на ходу объявила она.

Бабушка знает, что мы охотно сопутствуем ей во всех ее грибных и ягодных походах.

Не заставили мы себя ждать и в этот раз, быстро переобулись в сапоги, накинули старенькие пальтишки, прихватили ружья.

- В лесу ведите себя тихо,- немногословно приказала бабушка.

Мы уже поняли, что Ермолаевна затеяла что-то интересное, и с удовольствием выполняли ее требования. Это нам даже нравилось. Мы- старались угадать, что нам покажет бабушка, и объяснялись с братом знаками, то есть делали выкрутасы руками и ногами и прехитро гримасничали.

Я изображал медведя, а Леня - журавля. Бабушка же, пока мы шли через сосновый бор, хранила самое таинственное молчание.

Спустившись с холма, мы подошли к луговине, залитой водой. Бабушка сказала: «Тш-ш», - и стала кого-то высматривать. Мы с Леной перемигнулись и, разом бухнувшись на мягкий мох, вскинули ружья на изготовку.

Потоптавшись между деревьями минутки три, бабушка повернулась к нам и развела руками:

- Ушли... Вот ведь неудача-то какая...

- Кто был-то, бабушка? - допытывались мы.

- Давайте искать, может, недалеко еще где пасутся,- не обращая внимания на наше нетерпение, предложила она.

Ползком передвигаясь от дерева к дереву, мы направились в разные стороны по краю озерной опушки.

Вскоре я услышал сигнал Лени - скворчиную трель.

Ее легко различить в лесу в многоголосом птичьем хоре,- скворцы, как известно, в лесу не живут.

В обход, лесом, я подобрался к Лене, туда же пришла и бабушка. Сквозь кусты, за которыми мы спрятались, я увидел семью темно-бурых животных с длинной шерстью.

У самой дороги, широко расставив длинные крепкие ноги, стоял самец. Он аппетитно жевал широкую ленту осинового коры, ловко захватывая ее длинной верхней губой. Не обращая внимания на наш осторожный посвист, он время от времени опускал к земле голову, украшенную широкими рогами, напоминающими ладони рук с растопыренными пальцами.

Лосиха с лосенком спокойно ощипывали верхушки ивовых кустов - словно малину собирали.

Разглядывая лося, мы не могли сдержать своего восторга:

- Ну и шея...
- Куда сильнее, чем у любой лошади! А грива!
- А морда, что у верблюда - горбатая...
- Глазищи - огромные, как у коровы...
- Копыта-то - как горшки, распиленные только.
- А хвостик, хвостик...
- Малюсенький, как у барана...

Неожиданно с дороги раздался конский храп и топот.

Обернувшись, мы увидели вздыбленную лошадь с седоком.

Это был наш колхозный агроном дядя Гриша. Он старался удержать метнувшегося в кусты коня и

приговаривал:

- Ну тихо, дурачок, ведь это же хирви.*

Лоси продолжали спокойно пастись.

Не знаю, кому из нас первому пришла в голову забавная мысль, но выстрелили мы почти одновременно,- в воздух, конечно. Леня, как более практичный, объяснял потом, что надо же было дать возможность проехать агроному, а мне, признаться, было любопытно: что будут делать лоси... После выстрела мы еще дико гаркнули - ведь от двух выстрелов мало шуму.

Лосей как ветром сдуло. Они метнулись сначала в сторону дороги, но потом повернули и, петляя между деревьями, прыгая через кусты (ну, право, как зайцы!), бросились в сторону ламбы. Мы кинулись за лосенком, крича:

- Держи! Лови-и!

- Го-го-го!

Но где тут... Лоси, проскакав через лес, остановились на минуту на берегу озера и двинулись в топкую трясику...

У меня екнуло сердце.

* Хирви (карельское) - лось.

- Завязнут... эх! - сокрушался Леня и даже хватил о землю шапкой, когда лоси вдруг, словно по команде, брякнулись на бок.

Но что это? Работая ногами, как веслами, хватаясь за мелкие кусты и кочки, лоси гуськом ползли по топкой трясине с быстротой торопливого пешехода. На краю озера они незаметно перешли вплавь и поплыли рядом. Из воды торчали только горбоносые головы: две большие по краям, маленькая, юркая - посредине. Позади оставался широкий след будто мощным катером взбудораженной, сверкающей на солнце воды.

На том берегу животные отряхнулись и быстро скрылись в лесу.

- Ну, теперь далеко уйдут - не станут здесь жить. Вот что вы наделали,- укоряла нас бабушка.- Умные звери, сильные и красивые. Беречь их надо.

Мы полностью согласились с бабушкой, что лосей бить нельзя, они заповедные.

- А в старину на лосей охотились,- заговорила Ермолаевна, усевшись на старом пеньке.- Голод заставлял, нужда беспросветная. Нелегкое это было дело: и зверям мученье и людям. Бывало, весной, после оттепели, начнутся морозы, на снегу корка толстая образуется. Вот тогда и пойдут охотники за лосями. Возьмут ружья, пулями заряженные, сумки с хлебом, собак прихватят, чтобы гнать животных по насту.

А сами на широких лыжах, карельских. Лоси прятались тогда от людей далеко в чащобе. Ходят охотники сколько суток, измучаются. А иногда и несчастье случалось. Мой сынок Еша - он вам дядей приходился - в молодости через лося жизнь погубил. Давно уж это было - забыла, в каком и году-то, до революции еще. Был он паренек крепкий, смелый. С двенадцати лет- вот как вы теперь - лесоватъ ходил.

Один. Старшой он был у меня, добытчик. Ему жара и мороз - не хозяева. Он сам был хозяином в лесу. Сколько зверя побил. Ни медведя, ни волка не трусил. А вот случилась беда.

Бабушка вздохнула, помолчала. Мы не мешали ей, хотя и слышали от родителей эту печальную историю не раз.

- Двадцатый годик ему шел всего... Погнался вот он, этак, за лосем-то единожды. Большой был лось, матерый.

Собака его гонит по насту, а он проваливается - тяжел.

Ноги ему коркой в кровь режет, а он мчится, как очумелый, жизнь спасает. Верст тридцать гнал его Еша по лесам да по ламбам. Снял Еша фуфайку сперва, а

потом и шапку бросил. Еще верст двадцать гнал - не сдается зверь, хоть сзади дорога кровавая - изорваны ноги-то. На озере одном остановился - вконец выдохся. Подошел Еша на выстрел - сидит зверь в снегу, поджавши задние ноги; Еша ближе подходит - не бежит больше лось. И уж совсем близко выстрелил в него, в переднюю лопатку попал. Вздыбился зверь на трех ногах, да на охотника, глаза кровью налиты. Не успел Еша еще раз выстрелить,- ружье-то одноствольное было,- подбил его зверь, копытом ударил. Упали оба, и зверь и охотник... Еша долго лежал на теплом убитом звере... Дорога-то рядом была. Подобрали Ешу мужики, в больницу свезли. Два ребра сломаны были. Не выжил, зачах в больнице мой кормилец...

Шли мы от озера невеселые: жаль было дядюшку Ешу и красавца-лося. Как он за жизнь свою боролся! А эти лоси, что мы спугнули,- какая силища, ловкость какая!

Собирая спелую бруснику в бабушкину корзину, мы, не переставая, говорили о лосях. Незаметно набрали целую корзину. А она была большая, этак, ведра на полтора - грибная. Потом несли ее к дому на палке, через плечо. Шутили: медведя несем! А лоси все не выходят из головы.

Теперь лосей много в наших лесах. В заповеднике «Кивач» их можно встретить целыми стадами. Людей они подпускают близко, не боятся: словно знают, что по всей европейской части СССР охота на них строго запрещена. Вот и живут они вольготно, хозяевами наших лесов. Волков и медведей не любят. Самцы бьют их копытами и рогами насмерть.

А на других мелких хищников они и не смотрят.

На тропинке, по которой мы шли, валялся обрывок колючей проволоки – знак военной поры. И тут припомнился мне один случай. Ребята из соседнего села нашли в лесу полуживого лося. Он запутался рогами в колючку (ее много там было после войны), весь изранился, обессилел, а выпутаться не может. Сбегали ребята в село за клещами-кусачками и давай рвать проволоку. Лось смотрит на них умными жалобными глазами, как теленок, попавший в беду. А как почувствовал, что не держит больше проволока, вскочил на ноги, мотнул головой, освобождаясь от

последних обрывков колючки, запрыгал, словно хотел убедиться, что снова на свободе. Ребята захопали в ладоши, закричали «ура». Лось гордо поднял вверх голову и не спеша скрылся в зеленой листве.

Вот они какие, лоси – краса и гордость наших лесов.

У кого душа в пятках

(Сказка)

Едва загорелось раннее весеннее утро, как старый лохматый Заяц проснулся. Он всю ночь проспал в теплой уютной норке под корнями вывороченной ветром ели и сейчас чувствовал себя превосходно. Ведь не так-то уж часто приходится ему проспать без тревоги целую ночь.

Косой вылез из своего убежища, потянулся, зевнул раза два, продрал передними лапками глаза, чихнул (в норе было пыльно), подергал усами и сделал стойку. Он стоял на полусогнутых задних лапках, до предела вытянув уши и слегка балансируя передними лапками. Голова его была повернута в сторону, откуда дул легкий, едва ощутимый ветерок, раздвоенная губа смешно шевелилась, растопыренные веером кошачьи усы, как стрелы, нацелились по всем направлениям, а большие круглые глаза, точно красные стеклянные бусины, оглядывали окрестность. Простояв в такой позе ровно две минуты, Заяц фыркнул и, присев на хвост, забарабанил короткими передними лапками по своей груди, будто настоящий барабанщик, потом смешно подпрыгнул и пошел выделять разные коленца то на двух, то на четырех лапах. Этот танец, похожий на пляску ошалевшего чертенка, продолжался, с небольшими перерывами, минут пять, то есть как раз столько, сколько некоторые из ребят тратят на утреннюю зарядку. После этого Заяц отряхнулся и спокойно заковылял, на бегу принюхиваясь ко всему, что выставляла на его пути щедрая природа.

Деревья и мхи его, конечно, не интересовали – от них мало чем поживишься, а вот запах молодой листвы или первой зелени кустов приятно щекотал ноздри; но и

это не было сегодня предметом его внимания – всем этим он был сыт, как говорят, по горло. У Зайца были другие планы.

Вчера, пробегая по опушке леса, он почуял запах молодой пшеничной зелени, но так как из деревни, расположенной совсем неподалеку, в это время доносился сердитый собачий лай, Косой не посмел свернуть на озимь. Сейчас, ковыляя в сторону поля, он уже чувствовал сладкий запах молодых побегов, который, как ему казалось, был сильнее всех других запахов.

Одним прыжком перемахнув через косую изгородь из кольев, Старый Заяц сразу же попал на пшеничную озимь. Это было даже несколько неожиданно. Но здесь, в конце поля, озимь была настолько редкая и тощая, что Косой удивился: вчера он видел кое-что получше. Чутье подсказало ему, что впереди, на пригорке, пшеница гуще и сочнее. Так оно и оказалось.

Солнце поднялось уже высоко над лесом, когда Старый Заяц, вдоволь насытившись молодыми побегами, прилег в густой зелени и стал соображать, где бы найти более безопасное место для отдыха. Таких мест у Серого было не так уж много; его всюду подстерегала опасность: на поле

– Люди и хищные Птицы, в лесу – Звери, а от Собак – просто покоя нет никакого, они рыскают по лесу каждый день, хотя сами живут в деревне – в тепле и сытости. Жадности этих Собак нет никакого предела.

Вот и сейчас уже слышится откуда-то визг и рычанье...

Косой сделал стойку. Прямо по полю к лесу шел Человек с кривой палкой в виде треугольника, а вокруг него прыгали, рыча и взвизгивая, две разномастных Собаки. Они гонялись друг за другом и, настигая, схватывались в борьбе. Собаки вели себя мирно, но

двигались прямо на него, на Старого Зайца! Сейчас они его заметят...

Косого заметил Человек. Он окликнул Собак и, указывая в его сторону, закричал:

- Ату! Ату! Держи его!..

Но у Старого Зайца душа была уже в пятках... Несколько мгновений перед Собаками мелькала белая, еще не успевшая вылинять спина и такой же хвост, и вот уже остался лишь запах свежего следа. А за изгородью в их чуткие ноздри сразу ударило столько свежих запахов, будто здесь в разных направлениях проскакало не менее десятка Зайцев. Это было непостижимо. Но Старый Заяц не зря носил среди лесных жителей кличку «Старого». Он знал, как сбить с толку не очень сильных разумом беспородных псов. Пока Собаки разбирались в путанице следов, наделанной опытным Зайцем, его белая спина мелькала меж деревьев уже в полукилометре от изгороди.

Оставив за собой еще две-три «путаницы», Косой доскакал до болота и, окончательно спрятав следы в воде, залег на островке, среди мелкой березовой поросли. Теперь он не боялся Собак. Следовало лишь проверить - нет ли поблизости другого опасного врага.

К немалому своему удовольствию, Косой обнаружил в нескольких прыжках от себя знакомую Куропатку - такую же старую, как и он сам. Они знали друг друга уже несколько лет и дружили. У них было много общего: общие враги, общие убежища. Летом Заяц и Куропатка носили серую одежду, а зимой белую, оба любили весной теплые солнечные лужайки, а зимой спали, зарывшись в снег. Словом, у них было так много общего, что они вполне могли бы жить вместе, если бы не разница вкусов: Куропатка терпеть не могла горькой осиновой коры, а Зайца тошнило от одного вида мохнатых Гусениц, которых Куропатка почитала за одно

из лакомых блюд. Однако это не мешало им все же быть друзьями и добрыми соседями.

Встречаясь, они подолгу беседовали, сообщая друг другу новости, происшедшие за время их разлуки. Больше, правда, говорил Заяц, отличавшийся, несмотря на свою старость, изрядной болтливостью. Он так увлекался своей речью, что иногда начинал говорить даже стихами. Однако стихи у него получались отнюдь не от большого знания языка леса, а скорей наоборот, так как больше всего он употреблял в своей речи личное местоимение первого лица, единственного числа, во всех возможных падежах со множеством предлогов и частиц. Затем его речь украшали глаголы, означающие незаурядные и смелые деяния. В сочетании этих местоимений и глаголов (с небольшим добавлением обстоятельственных слов) получалась довольно высокопарная и совсем не скромная похвальба; но так как Куропатка тоже всех боялась и жила в постоянном страхе быть кем-нибудь растерзанной, то ей даже приятно было слушать, как храбро ведет себя трусливейший из животных. Часто в мечтах она видела себя такой же бесстрашной, как ее друг и сосед Старый Заяц.

- Кныу, кныу, здравствуй, сосед! - обрадовалась Куропатка, узнав старого приятеля.

- Кгхыр-р-р!- прочистил горло Заяц (он изрядно наглотался пыли еще на поле, улепетывая от Собак).- Я приветствую тебя. Я вижу - ты жива, Старая Куропатка.

- Кны-у, кны-у, жи-ву, жи-ву...

- Я счастлив, что вижу тебя... Да здравствует умная Старая Куропатка!

- И ты здравствуй, соседка. Как жил, что нового в твоей жизни? Я слышала, что Сергей Михалков написал про тебя новую басню?

- Ер-рунда! Я отрицаю все, что сочинил Михалков. Я не был во хмелю. Я не подхалим, я честный, храбрый

Заяц. Вот только что я обманул дюжину Собак. Они меня окружили на поле. Там был и Охотник. Я видел ружье, которое стреляет в разные стороны. Но я – Старый Заяц, и меня не проведешь.

Они хотели убить меня за то, что я съел у них несколько листочков озими. Но я не так глуп, как они думают. Я сыт и невредим, как видишь. А сюда им не добраться.

– Восхищаюсь твоей храбростью, соседка. Расскажи, как ты их обманул? – И Куропатка подбежала поближе, чтобы лучше слышать столь полезный рассказ.

– Долго рассказывать, соседка. Лень. Спать хочу.

Да и устал я. Ты покарауль, пока я посплю часок-другой, потом расскажу. Покарауль, соседка, все равно тебе делать нечего...

С этими словами Старый Заяц уснул, а Куропатка вспорхнула на нижний толстый сук старой березы и замерла на часах.

Солнце так сильно пригрело, что сытая Куропатка задремала и, покачнувшись, свалилась с дерева. Услышав хлопанье крыльев, Заяц вскочил, как от выстрела, и кинулся в кусты, но Куропатка поспешила успокоить друга, и вскоре они вновь тихо беседовали.

– Я расскажу тебе, как я остался жив, несмотря на миллион грозивших смертью событий.

Куропатка, хотя и была Старая, но до миллиона считать не умела, а потому охотно согласилась, высказав пожелание, чтобы Заяц не упустил ни одного события, хотя бы их было десять миллионов.

– Итак, значит, я начинаю. Во-первых, я должен сообщить тебе, что я, так сказать, единственный в нашем роду, кто остался жив. А уже это одно есть великое достижение – ведь редкий заяц доживает до моего возраста. Мне уже пять лет! – Старый Заяц принял важную осанку и покрутил торчавшие во все

стороны усы.- Всего в роду нас было двенадцать братьев и сестер. Мы все родились в одно лето. Моя мать всегда приносила по четыре детеныша. Как только мы родились, мать накормила нас грудью и убежала с другими зайцами. Через 3-4 дня она вернулась, накормила нас еще раз - и больше мы ее не видели. Мы ничего не знали и, когда проголодались, вылезли из гнезда. Поели травки, какая попалась, и стали прыгать, резвиться. А тут из-за кустов выскочила Рыжая Лиса, схватила одного нашего братишку и убежала. Так мы познакомились с одним из самых страшных наших врагов. Мы стали бояться всех, кто жил в лесу, и редко выходили из гнезда.

Однако бояться нам так надоело, что наша сестренка хотела даже утопиться с тоски, но увидела, как утопилась Лягушка, испугавшись ее, и сразу повеселела: значит, и нас кое-кто боится! Во всяком случае, Лягушек, Бабочек и Птиц мы перестали бояться. И тут-то сестренка наша попала в лапы Филину.

Так мы узнали нового врага. От этого Филина нам житья не стало, и мы с братом перешли жить в другое место. Но и там мы натерпелись страху. Один раз гончие Собаки с Охотниками чуть не затравили нас. Но мы их обманули - пусть не гоняются за двумя Зайцами сразу. Ведь есть же пословица: «За двумя зайцами погонишься - ни одного не поймаешь».

А в другой раз Волк напал на нас. Я взбежал на высокую голую скалу и кубарем скатился с нее. Волк отказался от погони - у него лапы жесткие и по камням скользят; пока он за мной бежал, много раз падал и, я думаю, расшибся порядком: я его встречал потом несколько раз хромым и легко от него удирал.

Потом я от Лисы удирал не однажды, а Собак этих глупых обманул миллион сто тысяч раз. Только братишка мой, последний, попал под выстрел, и его, раненого, загрызли Собаки...

Старый Заяц вздохнул, поморгал грустными глазами и, встряхнувшись, продолжал:

- К осени я нашел других своих братьев и сестер, что родились после меня, и мы жили вместе, я был у них за старшего. Много раз я их из беды выручал, но мало-помалу погибли все. Одного братишку Ястреб схватил на озими, и двух других, что помоложе были да поглупее, тоже Птицы склевали: одного Сорока, а другого Ворона - подумать только! Одну сестренку Волк задрал, двух Охотники во время облавы убили, а еще один в капкан лисий попался. И остались мы опять вдвоем с последним братом. В это время зима уже была. Спали мы однажды в снегу с ним и слышим: Ребята ходят по нашей тропе и разговаривают. Мы замерли в снегу, в сторонке от тропы, а Мальчики силков проволочных на тропу наставили.

Хотел я брату объяснить,- ведь он моложе меня был почти на полгода,- как через силки перепрыгивать, да заснул, а утром смотрю - братец в петле сидит, мертвый. Так я один снова остался. И тогда переселился вот в эти места. Здесь немного спокойнее, хотя хорошей пищи маловато. Озимь далеко...

Старый Заяц умолк, прислушиваясь. На другой стороне болота послышался собачий визг и порсканье. Куропатка тоже насторожилась.

- Ничего, не волнуйся, соседка. Они в воде мой след потеряют и сюда не придут, а если придут, то удерем опять, этих обмануть - левое дело.

Друзья притаились. И, действительно, Собаки вскоре убежали в другом направлении, и долго еще Старый Заяц рассказывал Куропатке про свое житье-бытье, полное тревог и опасностей. Потом Куропатка вспомнила, что ей нужно заканчивать устройство гнезда. Оно уже почти готово, нужно только обложить пухом, а взять его негде - сама она уже вылиняла и стала серая.

- Возьми у меня из спины старые белые клочья, они мне только вредят сейчас - снег-то давно уже растаял,- предложил Заяц.

Обрадованная Куропатка принялась выщипывать старую всклокоченную шерсть Зайца и таскать в гнездо, а Старый Заяц радовался не меньше ее: «Вот я какой умный. Кто бы из моих сородичей догадался так сделать?» Он так развеселился, что принялся прыгать, будто молодой, и даже спел любимую песенку своего сочинения:

- Я Старый Заяц - серый ус,
Я умный Заяц и не трус,-
Я от Лисицы убегу,
И сто Собак я проведу.
Хитрей меня на свете нет,
И буду жить я до ста лет!

Прошло два месяца. Однажды Старый Заяц лакомился на полянке заячьей капустой, которая росла здесь среди множества других трав. Он только что вошел во вкус, как на полянке появились Люди - один большой, другой маленький. Они что-то несли в руках и заплечных мешках. На краю поляны люди остановились и сели на траву. Потом маленький стал ходить по полянке, что-то разыскивая. Старый Заяц притаился в траве, но маленький Человечек так близко подошел к нему, что пришлось вскочить и удрать в безопасное место.

Однако Старый Заяц, поскольку он не был трусом, далеко не побежал, а снова притаился на краю полянки, среди березовой поросли. Отсюда он стал наблюдать за Людьми и очень удивился, когда увидел у них в руках палки: ведь время сенокоса еще не наступило - Косой знал это по опыту прошлых лет. Взрослый Человек лежал и курил, а маленький - то искал что-то в траве, то вдруг опрометью бросался куда-нибудь в сторону и страшно взмахивал своей палкой, на конце которой

болтался голубой колпак. Все это тревожило Старого Зайца, несмотря на его опытность.

Через некоторое время оба человека сошлись вместе и стали что-то обсуждать, поглядывая на небо. Старый Заяц тоже глянул в небо, но ничего там не заметил, кроме голубой пустоты. Затем Люди ушли в кусты и опять стали вполголоса совещаться. Старому Зайцу послышалось, будто они два раза произнесли его имя. Косой приподнялся на задние лапы и стал озираться по сторонам. Но вдруг вверху что-то свистнуло, и не успел Старый Заяц прижаться к земле, как на него навалилась какая-то тяжесть, в спину впились железные крючья, а по голове ударило будто камнем. Старый Заяц отчаянно дергался в разные стороны, но в голову снова и снова стучало что-то острое и тяжелое... Он потерял сознание.

Дня через два на поляну прилетела Старая Куропатка.

Она соскучилась по Старому Зайцу и всюду его искала.

- Кны-у, кны-у,-кричала она, ожидая, что вот-вот из лесу выскочит ее серый друг. Гуляя в зарослях молодого березняка, она заметила кусочек тонкой шкурки с гладкой серой шерстью и, клюнув его, подумала: «Шерсть, как у моего друга Старого Зайца... Но зачем она мне теперь, если птенцы уже улетели из гнезда». Больше она ничего не подумала, потому что была не так умна, как Старый Заяц.

Лесной парашютист

- Эй, охотник, вставай!..

Миша приоткрыл глаза и потянулся, но сон был так сладок, что глаза сами закрылись, и мальчик снова заснул.

- Вставай, вставай, охотник,- снова услышал он ласковый, настойчивый голос отца. Но и теперь Миша не сразу сообразил, что «охотником» отец называет его. А когда вспомнил, что накануне они договорились пойти на белок, вскочил и, сбросив одеяло, уставился на отца:

- Правда, папа? Ты меня возьмешь? Да?

Сборы были недолги. Ковш холодной воды на голову, стакан молока с горячей калиткой, сапоги - на ноги, патронташ - на пояс, ружье - на плечо...

- Я готов, папа...

- Похвально, похвально. На уроки бы так собирался...

- Ну, какой ты, папа... У меня ведь нынче нет ни одной тройки...

- Вот поэтому и беру, а иначе...

В разговор вмешалась Мария Степановна:

- Неужели ты его берешь, отец?

- А что?

- Смотри, разбалует, а потом я возись с ним, непослушником. Сам-то уедешь опять на неделю, а то на две...

Бабушка Агафья Петровна тоже вставила свое слово:

- Старики раньше сказывали, что дикого зверя али птицу в доме держать безбожно: добру не бывать...

- Бабушка, ведь не старые времена теперь. Что же мне делать, если сам Петр Иванович и все юннаты

поручили мне поймать белку. Говорят: никто, кроме Миши, это поручение не выполнит – у него отец опытный охотник... А насчет суеверий, так ты, бабушка, напрасно: у Гришутки вон сколько разных животных и птиц перебывало, а ведь ничего плохого не случилось...

– А, ну вас...- отмахнулась Агафья Петровна. Она и сама не так чтобы уж очень была против этой затеи.- Только грязи в избу натащите.

– Я, бабушка, сам ухаживать за ней буду. И вот увидишь – будет еще чище, чем сейчас...

– Ну, ну,- неопределенно хмыкнула старушка.

Захватив изготовленную накануне проволочную клетку, охотники вышли в темноту. На востоке широко алела заря.

* Калитки – пресные ватрушки на сочне.

Воздух, тихий и чистый после ночной росы, приятно освежал лицо. По всему селу перекликались петухи.

– Дымка! – крикнул Миша, и вскоре откуда-то из-за сарая выскочила небольшая дымчато-серая лайка. Завидев у хозяев ружья, собака запрыгала и, понимающе повизгивая, кинулась по дороге к лесу.

Далеко идти не пришлось. Уже в километре от села охотники услышали залиvistый лай Дымки. По лаю было похоже, что собака напала на хищного зверя. Охотники заторопились и приготовились ко всяким неожиданностям.

Они увидели Дымку под высокой сосной на редколесье.

Собака прыгала вокруг дерева и, глядя вверх, беспрерывно лаяла. Сосна была старая, с густой кроной, и потому трудно было что-либо разглядеть в ее ветвях.

Наконец Андрей Иванович заметил притаившегося в раз- лапине толстых сучьев огнисто-бурого зверька. Это была большая старая белка. Она так искусно замаскировалась, что заметить ее смог только опытный

глаз охотника – шерсть белки была того же цвета, что и кора сосны.

Удивительное чутье у зверька! Как только белка почувствовала на себе взгляд охотника (а ружье она заметила еще раньше), она сорвалась с места и, прижимаясь к стволу дерева, по-пластунски поползла вверх, делая спиральные обороты, чтобы обойти основания толстых сучьев. Так она добралась до верхушки сосны и там притаилась среди густой хвои, зорко наблюдая за охотниками. Андрей Иванович обошел сосну вокруг, ища дупло, но ничего не заметил, а Дымка меж тем заливалась безудержным лаем.

«Что она такое слышит? – думал про себя охотник.- Никогда так на белку не лаяла – умная же собака... Здесь есть какая-то загадка...» Не найдя другого решения, Андрей Иванович выстрелил в воздух (время было не сезонное), и в ту же секунду с противоположной стороны дерева что-то полетело вниз, будто обезьяна шимпанзе быстро-быстро, еле задевая сучья, катилась к земле. Это был какой-то зверек дымчато-бурого цвета, величиной с большую, но тощую кошку. Лайка в одно мгновение очутилась на месте падения зверька, но тот, ловко прыгая с дерева на землю и снова на дерево, какое оказывалось поблизости, а то и просто перескакивая с дерева на дерево, пошел в глубь леса, оставляя за собой только треск сучьев да дождь осыпающейся хвои.

– Дымка, назад! Сюда!-крикнул охотник, и собака прекратила погоню. Андрей Иванович, показывая на сосну, приказал: – Ищи! Дуреха, разве ты поймаешь в такой чащобе куницу, да еще летом.- А Мише он заметил:-Раз куница сидела на дереве вместе с белкой, значит, здесь есть беличье гнездо. Об этом говорит и то, что белка не ушла с дерева. Она охраняла своих детей. Ну, охотник, как будем доставать добычу – полезем в дупло или попытаемся взять на испуг?

- Я полезу, папа! -И Миша уже начал снимать сапоги.

Но отец остановил его:

- Это не лучший метод. Бельчата могут уйти у тебя из-под рук. Давай лучше снизу окружим дерево и выгоним их из дупла...

С этими словами он выстрелил снова, целясь мимо белки.

Услышав свист дроби, белка сорвалась с верхушки и, распустив хвост парашютом и широко раскинув лапы, как бы повисла в воздухе. Дымка кинулась в направлении полета зверька, но, не долетая до земли, белка скрылась в густых ветвях близстоящей старой ели. Там она снова поднялась к вершине и повторила полет на следующее дерево...

Андрей Иванович отозвал собаку, и охотники снова посовещались. Дымка же была в явном недоумении: почему хозяева отпускают одного зверя за другим и не дают ей преследовать? Она топталась вокруг людей и скулила, изредка взлаивая на сосну.

- Ищи, Дымка, ищи! - приказал ей вновь Андрей Иванович, и собака опять насторожилась: значит, еще не кончена охота; но есть ли кто на дереве? Ее собачий нюх притупился от погони за двумя разными зверьками, и она не очень верила в удачный исход порученного ей дела. Однако собака принялась добросовестно тявкать и прыгать вокруг сосны, усердно виляя хвостом: авось, еще кто объявится...

Пока отец перезаряжал ружье и снова обходил дерево, Миша отыскал неподалеку низкорослую полусухую ель.

Вырубив из нее изрядной толщины кол, длиной метра в четыре, он вручил его отцу, а сам взял ружье и приготовился к выстрелу.

- Раз, два, три!..

По команде грохнул выстрел, и почти в тот же миг толстый шест, описав в руках отца огромный круг, с треском ударил по стволу сосны. Это вышло так здорово, что Миша чуть не расхохотался, глядя, как подпрыгнула от изумления Дымка и как содрогнулась всеми ветвями старая сосна.

Но почти в то же мгновение откуда-то из гущи нижних веток выпрыгнул и повис в воздухе, как настоящий парашютист, маленький рыжий зверек. Не успел Миша опомниться, как бельчонок был уже в зубах Дымки, оказавшейся куда расторопнее обоих охотников.

- Дымка, отдай!-закричал Андрей Иванович на собаку, которая, мотая головой и действуя лапами, уже прижала зверька к земле и хотела расправиться с ним по-свойски.

Он осторожно высвободил белочку из пасти собаки и посадил в клетку. Дымка обиженно отошла в сторону и, недовольно рыча, терла лапой морду. Оказывается, этот маленький и с виду беспомощный зверек успел укусить собаку до крови.

- Кому же помирать охота?! Каждый за жизнь борется как может. Ты пальцы ей не подставляй - в миг отхватит,- предупредил Андрей Иванович Мишу.- Злая она еще. Вот попривыкнет дома, тогда и любуйся.

Зверек забился в угол клетки, тело его содрогалось, в глазах сверкали зеленые искры ужаса.

- Ну что, рыжик, испугался? Папа, назовем ее Рыжиком?

- А зимой как будешь звать? К зиме она вылиняет и будет мышиного цвета...

- Папа, а зачем белки шерсть меняют?

- Так природа устроила, для самозащиты. Ведь многие животные, птицы и даже гады меняют окраску тела. Так им легче прятаться от хищников. У белки много врагов - она мала и слабосильна. Сама никого не

трогает, питается только орехами и мелкими семенами хвойных деревьев. У нас для белок пищи вполне достаточно – они заготавливают на зиму шишки и грибы и складывают в дуплах, но сами в дуплах сидят только в сильные морозы. Иногда прячутся в старых птичьих гнездах. Живут они большими стаями, а если вдруг окажется, что не хватает пищи, все вместе переселяются в другие места. В старину даже существовало поверие: если белки скопом двигаются куда-нибудь, то быть беде – обязательно будет война или большие пожары. На самом же деле белки уходят из-за плохого урожая семян хвойных или ореховых деревьев, а то и от массовой порубки леса. Когда я был маленьким, в наших местах шли большие заготовки леса для Кондопожского комбината, и белки тогда целыми стадами уходили в Заонежье. Они шли за самцами-проводниками крупными стаями, прямо по деревьям, и ничто их не пугало – ни люди, ни машины. Тогда мы много белок наловили, и некоторые держали их до зимы, пока зверьки не вылиняли и шкурки их не стали ценными. Наши охотники убивают их за зиму по нескольку десятков каждый. А по всему Советскому Союзу беличьих шкурок заготавливается от пятнадцати до двадцати миллионов штук в год.

Дома белочку сначала держали в клетке и поили молоком, а потом выпустили на волю, и Миша стал давать ей очищенные кедровые орехи. Но белочка и сама скоро научилась лущить орехи и сосновые шишки. Делала она это презабавно.

Захватит шишку острыми резцами и шмыгнет в укромный уголок. Держа шишку в передних лапах, она обгрызает сначала зеленые чешуйки, а потом вытаскивает семена. А орех расколет резцами и жует мягкий плод коренными бугорчатыми зубами.

Так имя ей постоянное и не нашли: кто звал Рыжиком, кто Красавкой, а бабушка, упорно храня свою

неприязнь ко всей этой затее, иначе как Бесенком ее не называла. И в самом деле: это был на редкость вертлявый, назойливый, но премилый бесенок. Куда самому резвому котенку до этого летающего создания! Орудяя своим пушистым хвостом, как парашютом, белочка прыгала всюду, где только можно было зацепиться: на шкаф, на припечек, на дымоход и даже на абажур висячей лампы. Миша хохотал, гоняясь за Бесенком, а Агафья Петровна брала полотенце, но как только это грозное оружие появлялось в ее руках, Бесенок исчезал где-нибудь в темном углу.

Иногда белочка была тише воды и ниже травы. Сидит, бывало, Миша вечером и решает задачи, Андрей Иванович щелкает счетами на другом конце стола (он работал дорожным мастером, и ему приходилось кое-что планировать и учитывать), а Рыжик усядется на столе между ними и наблюдает за этой забавной работой. То потрогает костяшки счетов лапкой, то погрызет карандаш у Миши, будто заточить хочет, - помогает хозяевам в работе. А то сядет на плечо к Марии Степановне и внимательно наблюдает, как та орудует иглой и наперстком. Наперсток этот не давал покоя грызуну: уж очень он похож на серебряный орех, но вот беда - никак его не раскусишь, да и внутри пусто...

Даже бабушка смирилась, наконец, с присутствием Бесенка и позволяла ему садиться на плечо. Однажды Агафья Петровна стряпала калитки и пироги. Красавка сидела у нее на плече и наблюдала. В большой кастрюле бабушка замочила изюм для пирогов. Белка заметила изюм и, полагая, что это какие-то орехи, прыгнула в кастрюлю. Надо было видеть, как она выскочила оттуда и потом мокрая и перепуганная долго сидела на печке, приводя свой попорченный наряд в порядок.

Один раз бабушка принесла из чулана связку сушеных грибов и повесила ее около посудного шкафа, собираясь на завтра пустить в дело. А утром хватилась – нет связки.

«Вроде бы принесла вчера грибы, а их нет...» – думала бабушка. Пошла в чулан, и там нет.

В субботу, когда Мария Степановна мыла полы, Миша помогал ей передвигать мебель. Отодвинули сундук, что стоял в самом дальнем углу, а там... целый склад и шишек, и орехов разных, и бабушкины грибы, да не одна, а даже две связки. Стальной наперсток Марии Степановны тоже был тут.

Зимой, когда в седьмом классе стали изучать отряд грызунов, Миша принес в школу красавицу-белку. Резвая, грациозная, она продемонстрировала школьникам все свои способности. Урок прошел живо и на редкость интересно.

После этого к Мише каждый день заходил кто-нибудь из товарищей, чтобы полюбоваться красивым, занятным зверьком.

Но вот в квартире начали пропадать разные мягкие вещи – чулки, носки, рукавички. Оказалось, что Красавка стала вить гнездо,- приближалась весна, пора деторождения во всем животном мире. В мае белка стала очень злой. Она вела себя буйно, рвала одежду, кусалась. Агафья Петровна не выдержала и заперла ее в клетку. С тех пор у белки появилась еще одна кличка – Зверь. Иначе бабушка никак не хотела ее называть.

- Ты скоро ли своего Зверя выбросишь, али дождешься, когда я сама это сделаю,- ворчала старушка, когда белка, выскочив из клетки во время кормления, поднимала в квартире переполох.

Пришлось отнести Бесенка в лес и выпустить на волю.

Белка в одно мгновение очутилась на вершине сосны.

- Прощай, Красавка! - крикнул ей Миша сквозь слезы, а Дымка, взвизгивая и роя задними лапами мох, тьякнула несколько раз, как бы желая сказать: «Осенью не попадайся, на охоту пойдем!»

Охотник до курятинки

Летом куры у тети Пани гуляли на дворе, а иногда выходили и в поле – оно было тут же, рядом, так как дом стоял на самой окраине селения. Зимой же тетя Паня загоняла их на сарай, и там, поблизости от теплого коровьего хлева, они жили не так чтобы уж очень сытно, но безбедно. Иногда лишь, в самые сильные морозы, Прасковья Степановна пускала кур на кухню, отогреться.

И вот неожиданно пришла беда. Запустила однажды, в морозный день, тетя Паня своих несушек в кухню, смотрит: нет одной. Было восемь, стало семь. Пошла искать – ни на сарае, ни в хлеву, ни на подволоке, куда они иногда взлетали, чтобы погреться у теплого дымохода, не нашла.

Прошло дня два. Не стало еще одной курицы. Только перья белые по сараю разбросаны. И тут припомнилось тете Пани, что вроде слышала она ночью кудахтанье, да подумала, что это ей снится...

Вечером, когда дядя Тима вернулся с работы, Прасковья Степановна набросилась на мужа:

– Колхозный курятник строишь, а на своих кур тебе наплевать! Неужто нельзя дознаться, кто кур ворует? А еще охотник. Зверь ведь, поди, а не люди таскают! Твое это дело...

Тимофей Семенович не стал спорить с женой. Что правда, то правда – надо ловить хищника. Но кто он? Как ловить? Взять ружье и сидеть около дома всю ночь, мерзнуть?

А может, зверь не придет в эту ночь, не придет неделю,- посиди-ка на таком морозе. Да и как его выследишь: ведь закурить захочется, а то и кашлянуть, а он, может, тут как тут – услышит человека и удерет...

Капканом? Опять же надо знать: какой капкан поставить и куда. Если это, скажем, лиса, то она обычно лазает в подворотни. А их две: внизу и наверху, на въезде в верхний сарай... Хорек – он лазает не хуже кошки, поди-знай, в какую дыру полезет, одних окон в хлеву и на сарае не меньше трех, под стрехами дыры есть – медведь и тот пролезет... А может, ласка или даже куница, а то и волк – зима-то стоит холодная и для всякого зверя голодная...

Так рассуждал дядя Тима, раскуривая после ужина самокрутку. А тетя Паня все не унималась:

– У других мужья – как мужья, а у меня...- Но говорила она это лишь для того, чтобы затронуть в супруге его охотничью жилку – дядя Тима был неплохой охотник.

В тот же вечер Тимофей Семенович обследовал в доме все ходы и выходы, закрыл все дыры так, что даже крыса, если бы ей взбрело в голову пойти к курам в гости, не смогла про- Подволока – чердак под крышей. лезть в сарай. Оставив один, неизвестно кем прорытый ход в старый пустующий овечий хлев, он поставил около него лисий капкан, заправив его для верности приманкой. Дня три капкан стоял нетронутым, и его совсем замело снегом. Дядя Тима даже подумал, что вмерзший в снег железный механизм может не сработать, когда на него наступит зверь, но все же оставил его еще на одну ночь.

Утром, как обычно, тетя Паня пошла доить свою Пеструху и услышала за хлевом необычную возню.

– Иди, охотник, снимай свою добычу – попал кто-то,- радостно сообщила она мужу, который точил бруском притупившийся топор.

В избе в это время был мальчик Витя – сын бригадира, зашедший передать Тимофею Семеновичу какое-то поручение, и с ним еще двое ребят. Они с

любопытством ждали, кого принесет дядя Тима в капкане.

Зверь оказался совсем не крупный – не больше обыкновенной тощей кошки. Длинная шерсть его на спине была коричневой, на животе – несколько темнее, с красно-коричневой полосой. Подбородок, кончики ушей и острый, как у лисы, нос, только более короткий, были желтовато-белые, и лишь самый кончик носа чернел круглым пяточком, а над глазами во весь лоб расплылось дугообразное белое пятно.

Пытаясь вырвать из железных скоб капкана свои короткие передние лапы с длинными черными когтями, зверь метался, грыз железо острыми, как у щуки, зубами и, сверкая дикими, злыми глазами, рычал. Но это рычанье, скорее похожее на стрекот сороки, чем на рык зверя, и вздыбленная на спине и длинном хвосте шерсть – совсем не испугали ребят, а даже рассмешили их.

– А ну-ка, кто его погладит,-пошутил дядя Тима, но когда Витя протянул было руку, чтобы потрогать взъерошенный хвост, резко остановил смельчака: – Не тронь!

И это было как раз вовремя. Заметив движение мальчика, зверек сразу же кинулся на него, и лишь капкан помешал хищнику выполнить злое намерение.

– Злой он сейчас, даром жизнь свою не отдаст. Он ведь чувствует, что смерть ему приходит,- пояснил дядя Тима,- потому и взъярился так. В жизни он порядочный трус, но до чего ж хищный и коварный. Лиса, хотя и больше его, а по сравнению с ним – просто шутница. Вот ведь она не пришла за курами, хотя и любит курятинку не меньше его, а этот пришел – кровожаднее и нахальнее его, пожалуй, зверя нет. Ну, опять же: голод – не тетка, а хорек мал, зайца или белку ему не изловить, как это делают лиса или куница, вот и идет на пакость. Летом он совсем смирный – пищи ему тогда

вдоволь. Питается он, главным образом, лягушками и мышатами, а также птенцами различных птиц. Иногда нападает на змей или выслеживает кротов и крыс, а то и рыбу ловит. Живет он в норе или в расщелинах камней, где самка рождает слепых детенышей. Хорек не боится крупных хищников, так как для самозащиты природа наделила его мешочком с мускусной жидкостью. Эта зловонная жидкость отравит аппетит любому зверю. Да и охотники не очень-то уважают эту тварь. Бьют, когда он сам в гости к курам пожалует. А мех у него, хотя и не такой уж красивый, но зато дешевый и теплый. На воротник или рукавицы – любо-дорого... Ну, мне, однако, на работу пора.- И Тимофей Семенович потащил свою добычу в сени, приговаривая:- Съел двух курочек – хватит. Сейчас тебя самого старухе на воротник пущу.

Еще любитель курятинки

В тихий июльский вечер со своим дружкой Ефимом Ивановичем (юные читатели тоже знакомы с ним) мы поставили сети в проливе между двумя островами и тихонько плыли на ночлег к западному скалистому берегу. Сидя на веслах, я любовался красотой ясной вечерней зари. Чуть потревоженное зеркало воды отражало все тона пылающей глубины неба, и казалось, что лодка плывет в беспредельном межпланетном пространстве, и только отраженная водой темная полоска леса на другом берегу нарушала волшебную прелесть этого миража.

Мы подъехали к устью безымянного ручья, и Ефим Иванович скомандовал:

- Стоп! Суши весла. Давай-ка, Петр Иванович, закинем здесь на ершей. Тут их раньше тьма-тьмущая водилась.

Опустив камень-якорь за борт, мы забросили все удочки, и не прошло получаса (даже стоявший над лесом золотой шар солнца не успел закатиться в то место, где он ночует), как мы натаскали полный солдатский котелок крупных, словно окуни, и колючих, как ежи, ершей.

С заходом солнца клев внезапно прекратился, рыба отошла.

Старый рыболов хитро прищурил левый глаз, а правый зорко нацелил на темнеющие заросли камыша в устье ручья, отыскивая подходящее место для ночлега.

- Ну, поехали, однако, уху варить. Ох, и уха будет - не уха, а объеденье,-приговаривал он, сматывая свои бесчисленные удочки.

В устье ручья мы обнаружили уже опередивших нас ночлежников. Это были два мальчика-Коля и Ваня,

соседи Ефима Ивановича.

- Дедушка Ефим, Петр Иванович, посмотрите, каких окуней мы на луде наловили! - наперебой шумели ребята, показывая свой улов - две больших корешковых корзины окуней, килограммов по пятнадцать каждая.

Артелью мы вытащили обе лодки на берег и вынесли снасти к старому огнищу.

- Ну, вы варите тут ушицу, а я пойду кое-чего попромышляю,- хитровато подмигнув мне, буркнул старый охотник, и не успели мы осведомиться, куда и зачем собрался дедушка,- он уже скрылся в зарослях прибрежных кустов.

Мы развели жаркий костер и навесили чайники, потом мальчики почистили рыбу, и вскоре над костром потянуло тонким запахом кипящей ухи.

Я прилег у огня на своей телогрейке и слушал ребячий щебет о том, какой у кого сорвался окунь, у кого щука отхватила новую удю вместе с клюнувшим окунем. Рассказали также ребята презабавную историю о том, как приезжий приятель их, Ленька, прошлым летом ловил на луде окуней со своим дедушкой, которого все звали «дядя Федя», и как с тех пор ту луду прозвали «дяди-Фединой». Уха, меж тем, сварилась, и мы, покликвав Ефима Ивановича, принялись за нее в три ложки, так и не дождавшись старого лесовика.

- Что-нибудь обязательно принесет, вот увидите. У него так, впустую, не бывает,- уверенно заключил Коля, знавший Ефима Ивановича, пожалуй, не хуже меня. И ребята стали гадать, что принесет так долго отсутствующий дедушка Ефим, но так ни на чем и не сошлись.

- Гроза будет,- заметил я, обнаружив на горизонте грозовые скопления облаков.- Что будете делать, рыболовы?

- А мы под лодку! Не впервые, Петр Иванович.

Да и с вами уж не первый раз... Помните, позапрошлым летом тоже в грозу попали...

- Во! Молния!-заметил Коля.

- А грома не слышно... Почему, Петр Иванович?

- Далеко. Не дошел звук, растворился.

И мы, действительно, никакого грома не услышали, а вместо этого из зарослей со стороны устья донесся вдруг необычный отрывистый лай, затем визг. Ребята оживились: что бы это могло быть? Уж не Шарик ли прибежал в такую даль и отыскал своего хозяина - Ефима Ивановича? Но вот из зарослей камыша на середину протоки выскочил целый выводок кряковых утят. Птенцы были явно чем-то напуганы; сопровождаемые встревоженно крякающей матерью, они улепетывали по воде, работая одновременно и лапками и еще не обросшими крыльями. В камышах же, откуда появился выводок, сначала слышался приглушенный визг, хлопанье крыльев, а потом и стон умирающего селезня...

- Кто это? - почти одновременно спросили ребята.

- Наверно, лиса. По лаю похоже,- предположил я.- В это время вода теплая, и лиса не боится смокнуть, потому она с удовольствием охотится за утятами. Плавает же она не хуже любой собаки. А утята - самое вкусное кушанье для молодых лисят.

В лесу, меж тем, все смолкло, зато ясно слышались отдаленные раскаты грома, и налетевший порывом ветер зашумел в верхушках деревьев, заиграл листвою в кронах стоявших рядом берез.

- Налетай на уху - гроза!-зашумели ребята и принялись за остывающую, позабытую на время уху.

- Съели, небось, и мне ничего не оставили,- раздался вдруг над костром нарочито сердитый голос Ефима Ивановича.- Ну, тогда и от меня вам ничего не будет...

Уха снова была забыта. Ребята обступили старого охотника, искали добычу и не находили. Наконец Ефим Иванович извлек из-за пазухи совсем крошечного, как котенок, рыжего зверька. Он еще не умел кусаться и чуть повизгивал от страха. Уставив на людей темные стеклышки глаз, он, казалось, просил о помощи, содрогаясь маленьким тельцем, покрытым редкой пушистой шерстью. Длинный, как у крысы, еще не обросший шерстью хвостик, едва поворачиваясь, дрожал, как от сильного озноба.

- Дедушка Ефим, а мы уши тебе оставили - целый котелок,- заискивающе доложил Коля.- Самая вкусная.

- И ложку дадим самую большую,- в тон ему добавил Ваня.

- Ну, коли так, тогда забирайте себе это существо.

Только смотрите, чтоб не сгиб он у нас. Молоко-то с собой есть?

Мальчики вытащили бутылку, и все принялись кормить лисенка. Сначала он никак не хотел открывать рта, но вскоре разобрался, в чем дело, и с аппетитом стал лизать молоко, налитое в крышку котелка.

- Дедушка Ефим, расскажи, как ты его поймал? - допытывались мальчики. шо - Вы-то уж поели уши, а я еще голодный. А, говорят, на голодные кишочки не захочешь и стишочки... Ты, Коля, дома незаметно подсунь лисенка к щенятам. Жучка не разберется сначала и покормит его, а потом уже будет считать своим.

А как подрастет - отсадите от щенков, а то драться будут.

Да и собака загрызет его,- поучал мальчиков старый охотник.- Хлеб или овощи он есть не будет, не то, что собака, придется кормить мясом и рыбой - тут уж вам заботы хватит.

- А нам юннаты помогут. Правда, Петр Иванович?

Я тоже дал ребятам несколько советов, как вскормить и приручить лисенка, Ефим Иванович согласился помочь в дрессировке.

Внезапно небо над нами точно расколосось, и ударил такой гром, что задрожали камни, на которых мы сидели.

Ослепительная молния не просто блеснула, а, треснув где-то поблизости, казалась, пронзила нас насквозь. Не успели мы вытащить на сушу и перевернуть лодку Ефима Ивановича, как хлынул крупный и частый дождь...

- Так вот, значит, отошел я, этак, шагов триста по ручью и сел на стреже: самое милое дело - форелек в этот час половить,- начал свой рассказ дедушка Ефим, когда все мы надежно укрылись под лодкой, и старая самодельная трубка лесовика была раздута, как кузнечный горн.- Форельки стали бойко клевать, и я уж восемь штук вытащил. Слышу - лает. Ага, думаю, сама кума-лиса пришла - утятинки захотела. Снял я все с себя, оставил только ружье и пополз в ту сторону. Смотрю: она уже из камыша выскакивает и большущего селезня в зубах тащит. Ну, думаю, куда ж ты теперь, голубушка? Лежу, смотрю. А она меж кустов - тихонько, да к старой иве. Принялась между камней селезня разделывать да тихонько влаивать. И тут откуда-то снизу визг послышался. Эге, думаю, да тут у тебя целый дом! Встал я во весь рост и пошел прямо на нее, даже ружье направил на кумушку, хотя стрелять и не собирался. А она, как увидела меня, и утку бросила. По-за кустам, да по-за камешкам, то прижметя, то подпрыгнет, и пошла, пошла... А мне на нее наплевать. Нашел я дырку под корнями этой старой ивы и давай шуровать в ней палкой. Тут и вылезло это существо.- Дедушка Ефим потряс корзинку, где сидел лисенок.- Жив ли он хотя? Поди, перепугался грозы-то до

смерти... Накинул я на него пиджак и понес к своей корзинке. Вот и весь сказ...

Снова ударил невероятной силы гром, и сильнее прежнего зашумел дождь по днищу лодки, загудел лес, заплескались волны о берег,- а мы сидели сухие в своем укрытии, и только Ваня вздрагивал, при каждом новом ударе грома. Ефим Иванович реагировал на это по-своему:

- Был бы ты моим внуком - отказался бы от такого труса. Ты вот бери пример с Гришутки...

И тут начались рассказы о смелости и храбрости известного нам Гришутки, который «хоть самого черта за рога схватит».

Один раз, по словам дедушки Ефима, угнало у Гришутки ветром лодку. А сидел он на острове, с которого до ближайшего берега было не меньше километра. И что же вы думаете: крик поднял? Ни-ни. Взял да и поплыл в одежде, сапоги только скинул на острове, а дело-то в сентябре было, вода, знаете, какая... Сам, говорит, виноват, что лодку упустил, сам и лишения терпеть должен... Вот он какой - внук дедушки Ефима.

- А прошлый год Гришутка сам заманил лису в капкан,- продолжал Ефим Иванович.- Сестре на воротник подарил. Да вы ведь знаете. А сколько я их на своем веку капканом да ружьем истребил - и счет потерял. Но рыжая наша лиса нынче мало ценится. Спрос на нее упал. Городские фасонницы теперь все больше на чернобурку зарятся. Да не водятся у нас черно-бурые лисицы в диком виде. Говорят, в Повенце есть звероферма в одном совхозе. Так ли, Петр Иванович?

Я подтвердил и рассказал, что черно-бурых лис и песцов разводят в нашей стране многие совхозы и колхозы севера и от этого получают большие доходы. А рыжая лиса тоже считается доходным промысловым

зверем; по всей стране охотники добывают около полмиллиона шкурок в год. Лисица полезна человеку еще и тем, что уничтожает множество мышей и других вредных грызунов.

- А это верно,- согласился старый охотник.- Я видел, как они мышей ловят. Один раз пошел я за свежими ветками для уключины. Только подошел к старому омету, смотрю - лиса роется в соломе. Спрятался я за камень, гляжу, что будет. А она рылась, рылась и вдруг нырнула - один хвост торчать остался, а потом выскочила, и вижу - жует мышку.

Ну, думаю, ты не хуже нашего кота Васьки мышей ловишь.

Не стал я ее пугать, обошел сторонкой подальше.

- Дедушка, а вот в сказках и баснях лису всегда очень хитрой и умной изображают, будто она и волка, и медведя, и других зверей одурачивает... Так это правда, что она такая умная? - заинтересовался Ваня.

- Это выдумка. Лиса, конечно, умный зверь, но все же волк или охотничья собака куда умнее и хитрее ее. Ведь стоит только собаке или волку напасть на след лисы и погнаться за ней, как она теряет всякий рассудок и попадает им прямо в зубы. Волки немало поедают лисиц. Но что лиса очень осторожна, это я сам видел. Раз подошел я на лыжах к своему капкану. Смотрю: издали к нему крадется лиса. Я притаился.

Подползла, схватила один кусок приманки и отскочила.

Потом схватила другой и тоже съела. А на третий, что в капкане был, долго смотрела, не решалась. Но, видать, уж очень голодная была. Голод поборол у нее рассудок. Походила кругом, потрогала лапой, обратно отскочила - чует железо.

Опять подошла, да как бросится... А капкан - щелк, и попалась рыжая плутовка.

Ефим Иванович вытряс трубку о камень и сунул ее в карман.

- А не пора ли спать, охотники до сказок? - неожиданно закончил он свои воспоминания и, устроившись поудобнее, замолк, всем своим видом показывая, что рассказов от него мы больше не дождемся.

Под стихающие раскаты грома мы уснули так крепко, что будить нас пришлось тому же Ефиму Ивановичу. На утренней зорьке клев был очень хороший (очевидно, после грозы). Мы пришли к общему мнению, что такой удачной рыбалки давно не бывало. Немало попалось рыбы и в наши сети, что ставили мы с Ефимом Ивановичем, хотя опытные рыбаки и утверждают, что в грозу рыба прячется на дно.

Прошло месяца два. Уехав в отпуск, я совсем забыл о лисенке. А за это время зверек вырос и стал величиной с маленькую кошку на коротких лапках и с пушистым хвостом.

- Он совсем ручной. Меня и сестру Олю очень любит, наверно, потому, что чаще других его кормим, а иногда и играем. Но играть он не умеет,- рассказал мне Коля при встрече.- Выпустишь его, а он подерется с котом, или однажды напал на курицу, еле отбили. Пришлось курицу зарезать - переломил ей лапу. Дедушка Ефим выпорол его вичкой, но он, наверно, не понял - за что, и с тех пор прячется от него, как только завидит. Так что дрессировка не получилась. А ребята часто приходят полюбоваться, носят ему рыбу, мышей и лягушек. Он все ест, даже ягоды. Как приедем с рыбалки, он уже чует свежую рыбу, сядет, как кошка, на задние лапки и ждет: заглядывает в глаза и повизгивает.

Спит, как Жучка, калачиком и морду хвостом закрывает.

Забавный... Заходите, Петр Иванович, посмотрите...

А еще через месяц произошел такой случай. Пошла Оля в школу и заглянула к лисе – проведать, а дверь загородки второпях закрыть забыла. Лисичка выскочила и побежала за Олей, догнала ее по дороге, визжит, радуется. Что делать: домой Оле возвращаться поздно, взяла ее с собой. Оставила на дворе у школы, а сама – на урок. После урока отпросилась у учительницы сбегать домой, отвести свою питомицу, а ее и след простыл. Нет ни на дворе школы, ни в соседнем дворе. Побежала Оля по деревне. А тут и ребята за ней увязались – все ищут. Нашли на дворе у тетки Матрены, мертвую.

- Слышу я – чего-то куры в сарае раскричались, вышла...

Смотрю – лиса за ними гоняется. Фу, пропасть, думаю, сумасшедшая какая-то: летом-то, да среди бела дня!

Схватила вилы навозные, да на нее. Приколола, а потом и подумала: «А чего же это она от меня не бежала?» Как я замахнулась на нее, так она к земле прижалась и будто ждет, когда ее ударят. Опомнилась я, да уж поздно было, проткнула ей бок насквозь. Вот ведь печаль-то какая,- рассказывала тетка Матрена.- Да вы не убивайтесь больно-то. Этого добра в нашем лесу хватит. Дедушка Ефим вам и медведя притащит, только попросите.

Серые бродяги

К крыльцу большого двухэтажного дома, что стоит неподалеку от школы, подъехала подвода. Возница – коренастый черноусый мужчина с двустволкой за плечами – ловко спрыгнул с саней и, подбросив лошади сена, накрыл ее попоной и привязал к столбу. Охотник (а это был широко известный в районе промысловик Герасим Федотович) уже хотел было скрыться в сенях дома, как вокруг его саней началась настоящая свалка, сопровождаемая несусветным гвалтом.

Дело в том, что за санями, когда Герасим Федотович проезжал по селу, увязались сначала две дворняги, потом к ним присоединились две-три лайки, и, когда подвода остановилась, это разномастное скопище налетело на сани, разноголосо рыча и тьявкая. В санях, однако, оказался надежный сторож – верный спутник Герасима Федотовича во всех охотничьих делах, серая овчарка Полкан. Сначала Полкан не обращал особого внимания на эту хвостатую мелкоту, подбирающуюся к саням, но, когда одна из собак осмелилась прыгнуть в самые розвальни, четвероногий сторож не стерпел и, схватив ее за загривок, швырнул так, что она отлетела по меньшей мере метра на три.

Тут-то и началось. Все собаки (ведь они хозяева села!) пришли в такую ярость, что – не вмешайся в это дело охотник – неизвестно, чем бы все кончилось.

Герасим Федотович вместе с Полканом отогнал собак на почтительное расстояние и восстановил относительный порядок. Полкан снова занял свой пост в санях.

А из ближних домов в это время, на ходу надевая шубенки, уже повыскакивали вездесущие мальчишки, к ним присоединились школьники старших классов,

только что закончившие занятия,- и через каких-нибудь пять минут на месте происшествия образовалась толпа человек в пятнадцать-двадцать.

Подошел и я.

- Да что вы ко мне пристали!-добродушно отбивался от ребят Герасим Федотович.- Не я тут хозяин - Полкан.

У него и спрашивайте. Разрешит посмотреть - пожалуйста.

- Что там такое?- не удержался я.

- Не знаем, Петр Иванович. Не хочет показывать,- хором отвечали ребята.

Я поздоровался с охотником и кивнул головой на сани.

- Ну, уж коли Петр Иванович хочет посмотреть, тогда...

Ты как, Полкан, возражать не будешь?

Я подозвал собаку, которая знала меня как одного из приятелей хозяина, и Полкан, спрыгнув с саней, подошел к нам, слегка повиливая гривастым хвостом. Видно было, что он с неохотой покидал свой пост.

- Его добыча, вот и сторожит.- С этими словами охотник откинул брезент, скрывающий поклажу, и мы увидели огромную волчью тушу, растянувшуюся почти во всю длину розвальней. Язык у волка был высунут, на нем и на губах раскрытой пасти застыла хлопьями кровавая пена. Хищно и зло торчали оскаленные клыки, глаза, даже застывшие, смотрели на людей с бессильной яростью и дикой злобой.

Это произвело на некоторых любопытствующих такое впечатление, будто волк был живой. Две-три девочки, втесавшиеся в толпу, вскрикнули от неожиданности и бросились врассыпную от саней, а мальчики постарше подняли их на смех:

- Э-эй, трусихи, мертвого волка испугались!..

Почти все собравшиеся так или иначе видали волков, но такого огромного, сильного и, надо полагать,

страшного – никому встречать не доводилось. Естественно, охотник был засыпан вопросами: где, когда, как, при каких обстоятельствах был пойман этот хищник.

– Да тут и рассказывать нечего, – с деланным безразличием заговорил Герасим Федотович, еще больше возбуждая любопытство ребят. – Этого на отраву поймали. Правда, пришлось нам с Полканом гнаться за ним километров пять.

Ну, настигли и добились. Их целая стая была – одиннадцать штук. Этот – вожак. Он из облавы ушел. А в облаве мы их восемь штук перебили. Еще два куда-то пропали. Их сейчас наши охотники разыскивают.

Герасим Федотович достал кисет и не спеша стал свертывать самокрутку. Тут любопытство собравшихся снова прорвалось:

– Герасим Федотович, расскажите про облаву!

Пришлось уступить ребятам. А дело было так.

Белым толстым одеялом покрыто глухое лесное Коштом- озеро. Пушистый снег шапками лег на ветви столетних сосен и елей, шатрами прикрыл молодые деревца, сугробами поднялся на камнях и пнях, во множестве рассыпанных по старым вырубкам. Тихое морозное утро. Почти не шелохнется уснувший, застывший лес. Лишь изредка треснет от мороза сухое дерево или сорвется от собственной тяжести султан затвердевшего снега, да какая-нибудь птичка-синичка пискнет жалобно и тоскливо.

Но вот в зачарованную тишину леса откуда-то из-за озера ворвались посторонние, необычные звуки: жжих-жжих, жжих- ... Звуки эти, ритмичные и негромкие, слышались сразу с нескольких направлений и – если прислушаться, а еще лучше «взглянуть» на них с высоты птичьего полета, – соединялись в кольцо, центром которого был густой молодой ельник на северном берегу скованной льдом болотистой ламбы.

Открытой стороной незамкнутого кольца оставалась лишь недлинная полоска северного берега ламбы – не более, чем в два ружейных выстрела,- так что круг, по которому располагались ритмичные скользящие звуки, был скорее похож на подкову, концами своими упирающуюся в берег открытого озера.

Ничего не знали об этом дикие серые существа, проводившие морозную зимнюю ночь под защитой густых прибрежных зарослей. А когда узнали, то было уже поздно. Восемь ловких лыжников с ружьями наперевес обошли, окружили волчье логово и по всей лыжне-подкове протянули крепкий шнур, увешанный кумачовыми флажками. Обойдя логово, охотники сошлись на концах подковы – по четыре на каждом – и, посоветовавшись, разбились на группы. По два человека остались на берегу озера, укрывшись в кустах неподалеку от концов шнура с флажками, остальные четверо, взяв с собой по собаке, направились обратно, в обход логова, постепенно сужая кольцо охвата. Волки, а среди них были матерые, бывавшие в переделках, почуяв людей с собаками, поняли недоброе и заметались в тревоге. Вожак их – крупный, сидящий самец – бросился на север, полагая увести всю стаю через мелколесье в большой девственный лес, километрах в пятнадцати от озера. Волки шли вереницей, с интервалом в два-четыре шага, ступая след в след, так что неопытному глазу могло показаться, будто здесь прошел всего один зверь. Они шли так тихо, что лишь в нескольких шагах можно было услышать прерывистое дыхание одиннадцати горящих жаром глоток да легкое шуршание глубокого снега, оседающего под тяжестью разгоряченных костлявых тел. Позади них, слева и справа (ветер дул сзади), хорошо было слышно скрипение лыж – жжих-жжих – и негромкий говор мужских голосов, да порсканье увязающих в глубоком снегу собак. Вожак прибавил

шагу, но... внезапно путь ему преградила лыжня, и в ноздри ударил ненавистный, ошеломляющий своей близостью человеческий запах... В смятении хищник остановился... Не более как в полутора метрах перед ним маячил слепящий глаза, дрожащий на легком ветру, до ужаса пахнувший смертью кроваво-красный кусок... Седой издал звук, похожий на стон, и шарахнулся в сторону, чтобы, перепрыгнув через лыжню, обойти этот пугающий смертью предмет, но... лишь теперь ослепленные кумачом глаза его заметили тонкую нить, висящую над лыжней. Она показалась ему такой же таинственной и страшной, как гудящая проволока на столбах. Волк сделал еще несколько прыжков в сторону – обойти, обойти во что бы то ни стало эту таящую смерть струну! – и тут, будто молния ударила ему между глаз: снова такой же красный, страшный кусок... Зверь в панике прыгнул еще и еще – и будто сами глаза его налились кровью от множества красных флажков, преградивших ему дорогу! В ужасе метнулся вожак назад, а навстречу ему, дико сверкая глазами, мчалась вся стая. Звери сбились в кучу, дрожа и скуля от страха, металась на узком пространстве, не зная, что делать. Но вот, прислушавшись и понюхав ветер, вожак поднялся и наметом пошел на старый след. Он намеревался прорваться между охотниками, идущими с флангов, и, пройдя через старое лежбище, выйти на озеро. Однако пройти скрытно стае не удалось: собаки почуяли хищников и подняли дикий лай. Это перепугало молодых волчат, и стая рассыпалась. Звери металась в кольце, то натываясь на страшные флажки, то на охотников, которые отнюдь не таились больше, а наоборот, старались сильнее шуметь и даже один раз выстрелили, чтобы окончательно сбить с толку перепуганных хищников. По первыми попались под ружье волчата. Они не умели хитрить и, обойдя по кругу флажков, выскочили на озеро. Тут их настигли

пули. Первые четыре жертвы облавы лежали на чистом пространстве озера, нагоняя страх на живых зверей, мечущихся в кольце. Два зверя были убиты в лесу: они подошли слишком близко к охотникам с собаками. В кольце оставалось еще пятеро живых. Все это были матерые хищники, опытные в схватках с охотниками. Каждый из них, вероятно, не раз уже нюхал запах пороха и знал, на каком расстоянии нужно держаться от ружья и собаки. Не раз уходили матерые звери и из облавы. Они хитры и умеют прятаться: стать под ветром или притаиться в кустах. Но ждать, пока охотники затравят их собаками в кольце облавы, зверям, конечно, не было расчета, да и инстинкт гнал их на риск.

Меж тем, охотники, стоявшие у выхода из кольца, подобрали убитых на озере зверей и затащили в кусты. Это не ускользнуло от глаз вожака, который уже успел полностью изучить обстановку, обойдя по кругу флажков и поняв, что выход только через озеро. Он собрал стаю и повел ее на прорыв, хотя и понимал, что это очень рискованно...

Не успели наши охотники выкурить по самокрутке и обсудить результаты удачного начала облавы, как поднялся переполох. Волки, во главе с вожаком, появились на озере столь неожиданно и мчались так быстро, причем держались не цепочкой, а группой, что выстрелы, которых последовало восемь – по числу заряженных стволов, не достигли цели.

Охотники смешались и, стреляя по группе скачущих животных, теряли точность прицела; кроме того, большинство, по-видимому, целилось в вожака, что был крупнее других и шел впереди, но он делал такие дикие прыжки, что вряд ли хоть одна из десяти выпущенных ружейных пуль могла бы попасть в этого прыгающего с быстротой птицы дьявола...

На снегу остался лишь один зверь, да еще одного, раненного в лапу, настигли собаки, остальные так же

быстро, как и появились, скрылись за ламбой. in Свисток собрал охотников на совещание.

- Эх вы - мазины! Говорил же вам, что у этой стаи опытный вожак и надо быть готовым ко всему, а вы - раскуривать, как на прогулке,- ругался Герасим Федотович на охотников, прозевавших остаток стаи.

- Да, ить, кто его знал, черта такого... Не первый раз на волков хожу, а такой облавы еще не бывало... - оправдывался старый лесник, опытный охотник и веселого нрава старикан Панкратыч.- Я вот в него, черта, оба ствола разрядил, да, ить, раз на раз не приходится...

- И я в него... - по простоте душевной признался один молодой колхозник, улыбаясь и переминаясь с ноги на ногу.

Другие охотники промолчали.

- Так вот, те, кто мазал, пойдут со мной в гон за удравшими, остальные отправляют добычу на базу, - распорядился Герасим Федорович, и отряд немедленно снялся с места.

Далее из рассказа Герасима Федотовича выяснилось, что отряд охотников из пяти человек, под его командованием, выследил трех беглецов и трое суток держал их под наблюдением. В ход были пущены все средства - и обходы, и капканы, и отравы. Звери проголодались и растерзали отравленного стрихнином глухаря. Больше всех, по-видимому, съел вожак. Он стал чаще устраивать лежку и, наконец, отстав от остальных, пошел в чащу. Опытный охотник догадался, что зверь отравился, и, послав остальных охотников выслеживать ушедших в другом направлении двух волков, сам с Полканом догнал вожака и убил его неподалеку от соседней деревни.

Там он взял лошадь и вез теперь добычу домой.

- Герасим Федотович, а далеко вы за ним гнались от того места, где облаву делали? - спросил один паренек,

начинающий охотник.

- Ну, не меряно, не считано, разве угадаешь. Чтоб не соврать, так кругло скажу - километров полтора ста наверно, будет. За четверо суток, оно бывает, и больше исходишь. Это ведь такие бродяги - как пойдут, как пойдут...

Не зря в народе говорят: волка ноги кормят. Зимой они больше стаями рыскают и сообща нападают на лосей, на собак, а то и на домашний скот, у кого как хлевы не устроены. Раньше ведь как бывало: соломой хлев лучше не закрывай: не видать единоличнику коровки - задерут.

Теперь волков меньше стало. Охотники нынче объединились в общества, правительство премии выдает за каждого убитого хищника.

- Герасим Федотович, а правда ли, что волк глупее лисы, как в сказках пишется, будто лиса на волке едет да кричит:

«Битый небитого везет»?

- Неправда все это. Волк - один из самых умных зверей и куда хитрее лисы и собаки. Они даже моего Полкана много раз обдуривали, а уж на что умная собака. Волк, если захочет поймать лису, или куницу, или даже зайца,- то все равно доймает гоном. Только летом он ленив и больше питается грызунами, а то и ягодами. Ловит, что подвернется - ягнят, телят, а иногда и птиц. А детей зря старухи пугают волками: волк человечесье мясо не любит да и боится человека и нападает на него лишь в тех случаях, когда голод доводит до бешенства.

Волк ведь сродни собаке, его так же можно приручить, как человек приручил собаку много тысяч лет назад. Ну, а сейчас пока он считается у нас на севере самым вредным хищником и приносит нашему животноводству миллионные убытки. Вот этот, небось, не один десяток телят и ягнят зарезал. Но теперь ему

конец, хватит – лет пятнадцать пожил... Чучело из него сделаю – очень уж он видный, показательный, так сказать.

Рассказ Герасима Федотовича вызвал у меня в памяти несколько случаев, когда мне пришлось встретиться с волками и даже самому вступить с ними в схватку.

В жаркий летний полдень пошли мы с ребятами купаться на песчаный берег к Боярскому Наволоку. Не успели дойти до места, как навстречу попались перепуганные трех-четырёх-летние малыши. Они плакали и кричали:

– Ой, там собака страшная... съест!.. из Собак мы, конечно, не боялись и поспешили на место купания – любопытно было, что это за собака, которая так напугала малышей. Еще издали мы увидели, что это волк.

Он лежал на боку и, жалобно взывая, зализывал огнестрельную рану в ноге. Недолго думая, мы вернулись в село и позвали одного молодого охотника с ружьем, а сами вооружились палками. Охотник расставил нас на перешейке, а сам отправился разыскивать волка. Почувяв вооруженного человека, зверь спрятался между скалами. Мы с нетерпением ждали выстрела, но его все не было. Наконец, нам наскучило стоять цепочкой, и мы собрались в кучу, горячо обсуждая, как будем убивать зверя палками. Внезапно грохнул выстрел, и мимо нас, ковыляя на трех лапах, рыча и оглядываясь, не обращая на нас никакого внимания, проскакал потревоженный хищник. Не успели мы даже взмахнуть палками, как зверь перескочил через изгородь и скрылся за кустами.

А вот случай, который произошел не так давно.

Группа мальчиков и девочек неподалеку от села пасла колхозных телят. Ребята сидели на берегу озера в кустах ивняка и пекли в костре картофель. Случайно

один из мальчиков заметил, что с другого берега кто-то плывет.

- Это волк! - с уверенностью знатока вскричал старший мальчик.- Галинка, сбегай на село, на биостанции охотники есть, пускай бегут сюда скорее...

Но далеко бежать девочке не пришлось. Из-за поворота реки выплыла лодка, в которой сидело двое мужчин с ружьями. Это как раз и были работники биостанции. Узнав от девочки о происшествии, охотники направили лодку в сторону плывущего зверя и налегли на весла. Завидев лодку, волк изменил направление, но было уже поздно - охотники отрезали ему путь отступления. Зверь в нерешительности закружил на месте. Это и решило его участь. Раздались почти одновременно два выстрела, и, хотя ружья были заряжены утиной дробью, голова волка скрылась под водой: видимо, дробины попали ему в ушные или глазные отверстия черепа.

Затонувшего волка вытащили на берег и доставили к биостанции. Он весил пятьдесят килограммов и был очень стар. С одной стороны пасти оба клыка у него были поломаны.

Охотники утверждали, что потерял он их в схватке с человеком: это мог быть лишь след топора или другого тяжелого орудия. Другие дивились тому, что такой старый и опытный хищник вел себя неразумно: среди бела дня, у самого села решил напасть на телят...

Еще более необычный случай произошел в одной деревне на берегу Сундозера. Было это в первые годы после войны.

Тогда волки вообще вели себя очень смело и нахально.

Немало порезали они в те годы колхозных овец и телят. Не задумывались нападать и на взрослое стадо; то тут, то там услышишь: свалил корову, зарезал жеребенка, а то и лошадь.

Зимой же, рыская крупными стаями и в одиночку, волки нападали даже на подводы и на людей.

Дело было ночью. Колхозный сторож отлучился ненадолго от скотного двора, и в это время волк, пробив в окошке стекло, ворвался в коровник. Когда прибежали люди, услышав тревожное мычание стада, зверь успел уже покусать несколько коров. Ветеринар признал коров бешеными, и, по его требованию, животные были убиты, а туши их закопаны в лесу.

Бешеный волк продолжал рыскать по окрестности и однажды напал на женщину, укладывавшую за деревней сено.

На ее крики прибежали два лесоруба с топорами. Бешеный зверь, завидев их, не испугался, а бросился им навстречу, свирепо рыча и брызгая хлопьями пены. Один из мужчин, не ожидая, пока на него набросится разъяренный зверь, кинул в него топором, но неудачно. Зверь, увернувшись от топора, ринулся на второго человека, у которого топор был еще за поясом. Однако тот не растерялся и ловко сумел схватить зверя в охапку, точь-в-точь как родного брата, которого не видел по крайней мере лет десять.

- Выручай, друг, тяни мой топор! - закричал он приятелю.

И пока один обнимался с волком долго и крепко, другой вытащил его топор из-за пояса и ловким ударом расколол хищнику череп. Через час туша бешеного зверя уже лежала в глубокой яме, заваленной толстым слоем земли и камня, а голова его была отправлена в лабораторию для исследования.

Бурые разбойники

- Ну как, крепко напугал вас бурый разбойник? - спросил Алексей Герасимович, когда ребята собрались у костра, шумно обсуждая происшествие.

- А он сюда больше не придет? - не скрывая страха, спросил пастуха самый маленький из ребят, семилетний Гриша.

- Не придет, не бойтесь. Не все ему людей да скотину пугать. Я его так шугнул, что он теперь, поди, десятую версту отмахивает. Они ведь, хотя и сильные, а трусливые. Злые они бывают только в конце лета, когда жир нагуливают, перед тем, как залечь в берлогу. Тогда они и на скотину нападают, и человеку оберегаться приходится. А летом крупную живность они не трогают. Медведи, как свиньи, всеядные, все едят, лишь бы жевалось,- и червяков, и муравьев, и разных букашек, и рыбу, и грибы, и ягоды, особенно любят малину; ну а мед - так вы знаете сами, как прошлый год он на пасеку залез. Хорошо, что вот Захар Семенович с ружьем подоспел, ухлопал его,-кивнул Алексей Герасимович в сторону лесника.

- Дядя Захар, а вы много медведей видали, вы ведь каждый день в лесу бываете? - любопытствовал кто-то.

- Сколько видал - не считал, может - тыщу. А когда убил пятидесятого, то решил: хватит с меня, стар стал. Однако приходилось и после.

- Сколько же вы убили? Расскажите! - градом посыпались на лесника вопросы.

- Мне некогда рассказывать, уху варить надо,- с напускной серьезностью отнекивался тот.- Вы пастуха спрашивайте - он всю жизнь медведей в лесу пасет, вместе с коровами...

Все поняли шутку и расхохотались, вспоминая сегодняшний случай и заново переживая его. Улыбались и пастух с лесником.

- Расскажите, расскажите, дядя Алексей,- приступили ребята к пастуху и еще тесней сгрудились вокруг костра.

- Да чего рассказывать-то? Нынче и медведей-то нет почти. Где им тут жить, когда кругом люди да машины,- почитай, на каждом квартале - то лес рубят, то руду али камень добывают, то болота осушают... Это в старину медведей много водилось. Может быть, от них и названия деревень пошли: Медвежья Гора, Кондопога, Конда, Кондуши?..* Ведь старые люди любили называть места по природным признакам, - потому у нас много гор, рек и озер названы именами зверей и животных. Деревни в города теперь превращаются, а названия часто старые остаются: Медвежьегорск, Кондопога.

* К а р х у (финск.) и кон т и э (карельск) - медведь.

Пастух замолчал, будто размышляя, что бы еще интересное рассказать, набил свою трубку, вырезанную из карельской березы, и наклонился к костру за угольком. Лесник невозмутимо,- мол, знаем мы эту старинушку,- помешивал свою уху ободранной сосновой веткой и чуть улыбался в рыжие, посеребренные сединой усы.

- Дядя Алеша, а правду ли говорят, что медведи разные бывают-одни злые, а другие добрые, как в сказках? - снова любопытствовал маленький Гриша.

- Все они одинаковы - хищники косолапые. Только в разное время по-разному к людям и животным относятся.

Это зависит от времени года и даже дня и оттого - сыт или голоден зверь. А вообще-то все они опасные хищники и трусливые разбойники. Вот хотя бы и сегодняшний случай...

Трусливые разбойники

- Перед вечером я обычно перегоняю стадо в эту лощинку: здесь хорошо, ветерком подувает и комарья поменьше.

Перегнал я сегодня свое стадо и пошел в кустарник, чтобы грибков собрать на селянку. Собрал с десятков и уселся на пеньке - почистить. Вдруг слышу, кряхтит кто-то за кустами и будто человек хрипит, захлебывается. Что такое, думаю: неужто человека кто душит? А у меня оружия - один грибной нож. Струхнул, признаться, я сперва, но все же пошел на шум, крадучись. Раздвигаю кусты, выглядываю на полянку...

Чтоб его черти самого задрали! - сидит, весь мхом да дерном обложился и обеими лапами дерн рвет, будто могилу себе обкладывать собрался - только хрип да стон кругом.

Оторвет дерну пласт, потом трясет, царапает когтями - червяков да насекомых вытряхивает, слизывает их и чавкает, как свинья. Посмотрел я на него минуты две-три и думаю: что делать - ведь коровы близко, да и ваши голоса слышал рядом. Напугает, думаю, всех до смерти. Уж лучше я его сам шугну... «Хоп! Хоп! Хоп!» - заорал я, в ладоши хлопал...

Он как рявкнет, да вскочит - не разберет, что, откуда,- да прочь от меня, на большую поляну, а тут его Сеня с Володей увидели да закричали. Он - влево, а тут Захар с ружьем (а порох он, почитай, за версту чует), опять в мою сторону скачет. Ну, думаю, ладно - в сторону от коров помчался; жду, сам рожок приготовил. Только миновал он меня,- я ему вслед во всю силу на рожке дую, бегу и дую, бегу и дую... Теперь, пожалуй, около Кондопоги где-нибудь лупит...

Долго хохотали ребята, наперебой спрашивали Сеню с Володей, не было ли им страшно; те, конечно, всякое подозрение в трусости отклоняли и чувствовали себя героями дня.

- Это что, а вот слушайте, что произошло однажды лет тридцать назад,- неожиданно вступил в разговор Захар Семенович.- Я раньше, до революции, на лесной даче жил.

Приедут ко мне купцы али чиновники крупные из города:

«Веди, Захар, на охоту». Я погляжу - кто чего стоит, и веду - кого зайчишек гонять, кого - перепелов. А тут приехал один лесничий, уж не первый раз, ему и по делу надо было: хозяйство мое проверить. Строгий был, богатый.

«Я, говорит, слышал, что в таком-то лесу медведь лошадь свалил. Как думаешь, придет он к ней ночью?» А дело осенью уж было. «Придет».- «Тогда - поехали». Взяли ружья, поехали на его двуколке. Лошадь в деревне оставили, сами - к убитой лошади. Сделал я два лабаз* - один для себя, другой для него. Устроились друг против друга, ждем гостя. Чуть только стало смеркаться, треск послышался со стороны бора, с той, где лабаз барина был. Не успел медведь до лабаз его дойти, как барин заорет: «Караул!»-да выше на дерево лезть; схватился за сухой сук, не разглядевши со страху-то, да как грохнется с дерева - чуть на медведя не угодил. Мед- ведь в одну сторону, барин - в другую. Я выстрелил, да промахнулся... Долго я потом кликал барина, а он, оказывается, сидел у ручья - стирал что-то...

* Лабаз - площадка на ветвях дерева, устроенная для наблюдения, хранения продуктов и других охотничьих надобностей.

Когда ребята насмеялись досыта, а пастух с лесником доели щучью уху, снова заговорил Алексей

Герасимович:

- Спасибо тебе, лесник, за уху, за добрую сказку. А вот что я сейчас расскажу, так вам такого и не снилось...

Хитрый рыболлов

- Много у меня было приключений с медведями. Ведь тридцать лет коров пасу. Во всем нашем районе нет пастуха с таким стажем. Да и рыбки половить - вряд ли мастера лучше меня найдешь. А что это правда - судите сами. Пошел я как-то к реке на зорьке. Дай, думаю, удочку закину - форе- лек, окуньков, али, на худой конец, плотички на уху натаскаю.

Место у меня заветное было - без промашки. Подхожу к своим камням,- глазам не верю: на камешках моих медведь стоит, на трех лапах, четвертая кверху - будто у барыни для поцелуя - протянута, сам пристально в воду смотрит.

Наблюдаю. Шлепнул медведь лапой по воде, смотрю: на берег летят две рыбки. Опять стоит медведь настороже две-три минуты, и снова летит одна или две рыбки. Ну, думаю, хитер, только я похитрей тебя. И тут мне так смешно стало от своей мысли, что я чуть себя не выдал - уж очень расхохотаться хотелось.

Подождал я так минут двадцать да как гаркну: «Тебе кто разрешил мою рыбу ловить?! Поше-ел прочь!» Как шлепнется Мишка с перепугу в воду да на тот берег - только плеск пошел. А я собрал на берегу рыбу - целый котелок, сварил уху, ел да приговаривал: «Ах, хороша медвежья ушица!»

- Дядя Алеша, а медведь вам малину не собирал? - шутили ребята, наперебой угощая рассказчика ягодами

- кто черникой, кто малиной.

- Как же! Сбирал. Только он у меня в корзину класть не приучен был. Зато медом угостил меня однажды славно.

Ненасытный лакомка

- Собирали мы с ним один раз малину. Сами по себе. Я его не вижу, он меня не видит. Однако я его первый заметил.

Хватает лапами малинник и, как сноп овсяный, начинает обсасывать, только «мык» да «чмок» стоит. Потом гляжу: в куст на четвереньках полез, в земле роется. Выковырял что-то круглое, на шапку беличью похожее, давай когтями разрывать, а кругом шмели вдруг загудели. Сообразил я: гнездо шмелиное. А медведь уже кусок соты сунул в рот, сосет, да с таким удовольствием, аж глаза закрыл. Тут я и крикну: «Отдай мои соты!»-да для страху кнутом пастушьим щелкнул...

Оставил Мишка соты, а я потом целую неделю чай с медом пил, аж по усам текло... А Мишке я бутылочку вишневого варенья пообещал за это, да не идет, струсил, должно.

- А вы отнесите ему, дядя Алеша, на то место, он и возьмет, зачем дружбу терять! - шутили ребята.

- Он не любит стеклянную посуду - не возьмет, пожалуй. Был уж у меня такой случай. Через эту бутылочку и поссорились с ним навсегда. Недалеко от того малинника, на горوشке одной, муравейники были большущие. Решил я там набрать муравьев, чтобы сделать натиранье для ног - спирт муравьиный. А для этого нужно только поставить бутылку в муравьиную

кучу – они сами туда налезут. Вот захватил я две бутылки из дому. И как только оказался со стадом поблизости, поднялся на горушку. Смотрю: у самой большой моей кучи косолапый лакомится муравьиными яйцами. Запустит лапу в муравейник, вытянет и слизывает личинки. Я решил отстоять свои владения и пошел на него в открытую... Подождите, закурю, ребятки.

– Ну, дальше, дальше, дядя Алеша! Очень уж вы долго трубку раскуриваете...

Назойливый хулиган

– Подхожу ближе. Смотрит на меня. Я на него смотрю. Кричу: «Убирайся вон!» Не уходит, рычит, головой мотает: не хочу, дескать. Я в него бутылки одну за другой для острастки и запустил. Взревел он, пасть раскрыл, поднялся дыбом, пошел на меня. Я наутек, он за мной. Выскочил я на поле, думаю – легче мне удирать, да и люди, авось, попадутся. Не тут-то было – напирает на меня рыжий увалень.

Увидел я скирду ржаную поблизости, бегу и сам не знаю – что делать буду. А скирда длинная была, по концам ее стожары стоят, меж них и снопы заложены. Уцепился я за один стожар и вымахнул по снопам, как по лестнице, на скирду.

Ну, думаю, теперь меня не возьмешь. Ан, нет, за тот же стожар хватается, лезть хочет. Я на другой конец скирды перекинулся, медведь не полез за мной, а обежал скирду и по другому стожару ко мне подобраться норовит.

Я – обратно, и медведь туда. Я снова к другому стожару, медведь рычит, ковыляет вокруг скирды.

Постояли оба.

Я кричу: «Убирайся вон! Хулиган!» Рычит, башкой трясет, не соглашается. Надоела ему, видно, эта возня, остановился он, напустил слюны на лапу и швырнул в меня.

Разозлился я, хотел отломать верхушку стожара да в него запустить, но тут вдруг выстрел откуда-то слышался, и собака залаяла. Пока я разглядывал, где стреляют, медведя и след простыл.

А стрелял Архип Федотович – помните, дедушка такой в Заречье жил,- по глухарю. Медведя он и не видел.

Я рассказал всю историю Архипу и попросил у него капкан – отомстить, дескать, хочу хулигану. Приковал я этот капкан к чураку здоровенному и закопал в тот же муравейник.

Хлопотал полдня, семь потов пролил. Каждый день наведывался: стоит ли капкан? Пока подстерегал его, он, шкода, целых три прясла изгороди разворотил и по полю раскидал.

Дня через четыре смотрю: разрыта куча – ни капкана, ни медведя не нашел. И по сей день гуляет где-то. Вы не встречали, часом, ребятки?

– Видали! Он в сказке теперь живет. На деревянной ноге ходит. А старуха «его шерстку прядет, его мясо варит!..»

– Ну, это в сказке. А в жизни они настоящие хищники.

Косолапые хищники

– Медведь очень силен, но с виду неуклюж и необоротист.

Это оттого, что он на всей стопе ходит. Бегает он быстро.

Загнать скотину в лесу ему ничего не стоит, да и на чистом месте от него не так-то легко ускакать...

Вы знаете Медвежьё скалу у озера? Знаете. А вот почему она «Медвежьей» называется? Э-э, то-то... Так вот как старики сказывают. Загнал медведь телку на эту скалу.

Подход-то к ней отлогий и чистый, издавна там ничего не растёт.

Бежит телка на скалу от него – некуда деться-то. И вот догоняет её Мишка на самом краю обрыва. На задние лапы уже вскочил, да не рассчитал: телка извернулась – да обратно, а он не мог удержаться с разбегу-то, скользнули когти по голому камню – и сорвался в обрыв. Разбился насмерть. С тех пор, в память по покойному косолапому, его имя скале и присвоили.

Или вот ещё. Не так давно это было. На сплаве мы работали, на Суне. Там, около Гирваса-падуна,* берега крутые есть, обрывистые. С трехсаженной высоты можно прямо в воду прыгать. И выгон тут колхозный как раз. Так вот, любимся мы на обрыв этот: красота-то, мол, какая! Глядим: жеребенок из лесу скачет прямо к обрыву, а за ним косолапый. У обрыва жеребенок встал будто вкопанный, медведь оседлать его с ходу целится, а тот извернулся, не будь дурен,- ничего, что молод, а хватило умишка,- да и толкнул, этак, задком, копытцами...

Мишка с ходу и бултых в воду! Мы все ахнули, увидя такую гимнастику. Смотрим дальше: выскочил косолапый из глубины, как пробка, вылез на камешки и долго кувыркался чего-то.

* Падун (местное) – водопад.

Мы думали – издохнет, нет, отошел, стал лапой бок растирать. Мы смеемся, кричим: «Как, Михайло

Иванович, понравилась ли водная процедура?» Не по сердцу, видно, пришлись ему наши шутки, по-под бережку да в лес подался, а сам на скалу оглядывается: запомнить, что ли, ему хотелось это место интересное, то ли высоту глазом прикидывал – пока летел, так не успел, должно. Вот вы как будете в тех краях – любопытствуйте, да рулетку с собой прихватите – измерите Мишкин рекорд по прыжкам в воду.

– Обязательно, дядя Алеша! Вы нам только место поточней укажите.

– Ну, а теперь по домам, кажись, пора – вон вожак мой в голову стада выходит.- Пастух встал, надел кафтан, сложил свои вещички в берестяной кошель и закинул его за спину.- Ну, а берлогу вам дядя Захар покажет.- И пошел тихонько к стаду.

Берлогой оказалась довольно большая яма у корней вывороченной старой ели. В яме было много примятого и уже перегнившего хвороста, а поверх его толстый слой мха. Около ямы различались уже порядком заросшие, ведущие в разные стороны тропы.

– Ну, коль случай подвернулся – садитесь, расскажу вам про эту берлогу,- начал вдруг Захар Семенович, чем немало обрадовал ребятню.

Храбрый барин

– Приехал ко мне раз богатый лесопромышленник.

«Продай, говорит, Захар, берлогу, очень уж медведя убить охота».- «Не продам, говорю. Тебя медведь заперет, а меня в тюрьме сгноят за твое высокое благородие».- «Ну, а если ты со мной помощником пойдешь?» – «Тогда можно».

Облюбовал я эту берлогу. Тут медведица одна была – все, думаю, побезопаснее. На бар надёжа плохая, самц слышали, какие они охотники. Подошли мы к берлоге. «Видите, говорю, барин, парок идет? Приготовьте ружье». Залез я на берлогу, стал медведицу тревожить шестом, а потом головешку дымящуюся сунул. Как вымахнет медведица из ямы, поднялась в рост да на барина. Ревет медведица, а барин пуще ее, бросил ружье да бежать. Вижу – худо дело: от медведя в глубоком снегу разве удерешь. Хватил я зверя рогатиной и уложил на месте.

Вернулся на мой крик барин, смотрит: я на медведице сижу да приговариваю: «Силен медведь, да на его шкуре спят».* У барина зубы перестали стучать, засмеялся даже. Ну, разделали мы медведицу, медвежат двух выволокли из ямы, свезли ко мне. На другой день уехал барин в город на ямской подводе с колокольчиком, а я потом привез ему в имение добычу. Раз продал берлогу на корню, значит – и добыча его. А впоследствии мне батрак его рассказал, что из медвежьей шкуры барин ковер сделал, в покоях своих разостлал и гостям своим рассказывал, как он убил медведицу, и все диву давались его храбрости и отваге... Вот какое наше житье-бытье было раньше, ребятушки.

– А где этот барин теперь, дядя Захар?

– Поди-знай, где! И на бар нашлись «охотники», выкурили их из своих берлог в Октябре семнадцатого года.

* Поговорка, бытующая в Карелии.

Петр Иванович Яковлев

РАССКАЗЫ О ЖИВОЙ ПРИРОДЕ

Редактор К. Ф. Ведюкова

Оформление и иллюстрации художника

А. Ф. Козлова

Художественный редактор

Л. Ф. Кузнецова

Технический редактор Л. В. Шевченко

Корректор М. М. Суйкканен

*

Сдано в набор 12/Н 1958 г. Подписано к печати 8/У
1958 г. Бумага 70х241fi- 8,0 печ. л.= 5,64 уч.-изд. листа
Тираж 15.000. Заказ 444.

Цена 2 руб. 70 коп.

Госиздат Карельской АССР

Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1

*

Книжная типография

Министерства культуры Карельской АССР

Сортавала, Карельская, 32

Цена 2 руб. 70 коп.